Иван Данилов

Судьба польских евреев

УДК 94(100)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62
Д18

Данилов, И. П.

Д18 Судьба польских евреев / Иван Данилов. – Минск, 2021. – 86 с.

В истории Холокоста до сих пор остается много «темных пятен». И советские, и современные российские, и некоторые белорусские историки обходят молчанием важную тему прямого или косвенного соучастия Советского Союза в этой трагедии. Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 94(100)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62

Судьба польских евреев

Записками на эту тему хочу ознакомить читателя с теми важными и трагическими событиями, свидетелем которых мне, как ветерану прошедшей войны, довелось стать. Итак, начну с первых сильных впечатлений, испытанных мною в 15-летнем возрасте, когда разразилась Вторая мировая война. Разбитые немцами остатки польской армии, отступавшие на восток, были окончательно разгромлены и пленены Красной армией. И вот тут начались события, которых никто не ожидал. Первое, что мы увидели – это оскорбительное и довольно грубое отношение к польским военнопленным со стороны командиров и солдат Красной армии. И это было весьма негативно воспринято местным населением. А так как среди этих несчастных и голодавших военнопленных было много этнических западных белорусов и украинцев, которых не отпустили по домам, а, как и всех остальных погнали в лагеря, то этот негативизм еще более усилился. Это была первая и величайшая политическая ошибка (глупость) со стороны советской власти, с которой мы столкнулись, и которая посеяла много сомнений и вопросов: Кто они, эти «освободители»? И эти, тогдашние сомнения и вопросы, до сих пор не получили должной оценки ни в советской, ни в современной российской и белорусской историографии.

Żyd или еврей?

Такой, казалось бы, простой вопрос возник и стал весьма актуальным после прихода на земли Западной Беларуси и Западной Украины частей Красной армии в результате насильственного раздела в 1939 г. Польши между фашистской Германией и советской Россией. Польские историки именуют его «четвертым разделом»,

так как в конце 18-го века были совершены 1-й, 2-й и 3-й разделы польского государства между Россией, Пруссией и Австрией. В историческом плане это был крайне недружественный акт со стороны России (главного инициатора всех разделов) по отношению к соседнему славянскому народу. Но такова агрессивная сущность России, унаследованная ею в результате многовекового татаро-монгольского ига. Такой же злобной по отношению к Западу и агрессивной эта страна остается и в наши дни (Россия – реликт Золотой Орды).

На обширной территории нашего Полесья издавна поселилась довольно многочисленная еврейская диаспора. Достаточно сказать, что почти половину жителей городов и местечек нашего края составляли евреи. Так, например, в польском учебнике по географии черным по белому было написано, что «Pińsk – miasto żydów». И, действительно, около 40 процентов населения г. Пинска составляли евреи. Начиная с 1 сентября 1939 года, население этого города еще больше увеличилось за счет притока большого числа беженцев из Варшавы и других городов Польши. По шоссейной дороге Варшава-Брест-Пинск мчались на восток машины, мотоциклы с прицепами, на которых размещались семьи и домашние пожитки, и другой транспорт. Активисты КПЗБ ходили с приподнятым настроением и, глядя на паническое бегство от войны мирного населения, ждали, что вот-вот выступит Красная армия. Были случаи разбойного нападения на беженцев, особенно ехавших в дорогих машинах. Так, между деревнями Заплесье и Огдемер Дрогичинского района в лесной части дороги был убит инженер из Варшавы, член ЦК компартии Польши. Жена и дети остались живы. После 17 сентября было возбуждено следствие и одного жителя нашей деревни привлекали на допрос в качестве свидетеля. Были еще случаи ограбления беженцев, но без убийства. Среди беженцев было много евреев, поэтому прирост населения г. Пинска увеличился за счет польского и еврейского населе-

ния. Многие польские беженцы, видя негативное к ним отношение со стороны советской власти, предпочли вернуться в оккупированную немцами Польшу, а евреи, наоборот, продолжали прибывать. Многих евреев немцы выталкивали на советскую сторону, а советские пограничники выталкивали их обратно к немцам. Об этом очень подробно написал белорусский писатель Эммануил Иоффе в одном из журналов «Полымя». Наконец, была создана смешанная советско-немецкая комиссия по урегулированию еврейского вопроса. В Советском Союзе вновь прибывших евреев разделили по классовому признаку: богатых сослали в Сибирь, а бедным разрешили поселиться на вновь присоединенных территориях. По иронии судьбы «богатые» избежали холокоста, а «бедные» почти все погибли после 1941 года. Не припомню, у кого я читал высказывание одного гестаповского чина, который, наблюдая на границе возвращение некоторых евреев на свои родные места в Польшу, заметил: «неужели они не знают, что мы сделаем с ними позже».

Тем временем в оставшиеся месяцы 1939 года и в 1940 году общественная жизнь в г. Пинске бурлила. Шли бесконечные митинги и собрания на заводах в школах, клубах и в других местах. Все выступления советских политработников носили выраженный антипольский характер. Они утверждали, как мы плохо жили при поляках, и какое светлое будущее сулит нам советская власть. Но, несмотря на эти посулы, жизнь рабочих и всего населения не становилась лучше. В магазинах исчезли все товары, а за хлебом появились длинные очереди. Обвиняли частных лавочников, что они попрятали товары. А где же новые советские товары? Это был труднейший вопрос для советских агитаторов, а его на собраниях задавали все чаще и чаще. Так как я жил на квартире у баптистского регента рядом с домом молитвы, который теперь стал заводским клубом, то часто забегал в этот клуб на собрания или проводимые лекции. Расскажу краткое содержание одной такой лекции. Советский лектор пояснял собравшейся многочисленной публике,

половину которой составляли евреи, что в Польше процветала не только эксплуатация трудящихся, но и дискриминация евреев. Так как он ничего не мог сказать, в чем заключалась эта дискриминация, то остановился на слове «жид». «Поляки вас оскорбляли и обзывали жидами, а отныне советское правительство гарантирует вам свободу и равноправие. За слово жид в советской конституции и еще в каком-то уголовном кодексе, статьи которого начал перечислять лектор, предусмотрено тюремное наказание от 3 до 7 лет». В это время поднялся молодой человек, еврейской наружности, возможно бывший гимназист Пинской еврейской гимназии, которую, несмотря на обещанную свободу, уже успели закрыть, и сказал: «Товарищ лектор, вы должны знать, что слово жид – это литературное слово польского языка и оно не несет никакой оскорбительной нагрузки». Лектор от неожиданности покраснел и потерял дар речи. Если бы это замечание сделал поляк или белорус, то посыпались бы грубые оскорбления и обвинения в белопольской пропаганде. (Кстати, в советской лексике того времени слово белополяк заменяло слово поляк).

Но тут вопрос задал еврей, и после некоторой растерянности лектор перешел в наступление: «Вы, я вижу, умный и даже слишком умный, молодой человек и должны были бы знать о выступлении товарища Молотова, который сказал, что Польша, как искусственное образование, больше не существует, поэтому ваша ссылка на польский язык не состоятельна. Я еще раз повторяю, что за слово жид полагается тюрьма от 3 до 7 лет, независимо от того, кто будет его произносить, поляк или даже такой как вы еврей». Тут начался шум и топанье ног. Польская часть аудитории оскорбилась за слова Молотова, приведенные лектором, что Польша – это искусственное образование. Лекцией остались недовольны и сами евреи, на понимание которых примитивно рассчитывал лектор. Белорусы тоже не считали оскорбительным слово жид, так как всю жизнь им пользовались, а слово еврей им было неведомо и по незнанию они легко

могли угодить за решетку. Мне понравилось толковое замечание, которое сделал лектору молодой парень на пару лет старше меня. На что рассчитывал лектор? Неумная советская пропаганда иногда вредила сама себе. Данная лекция, направленная на разжигание еврейско-польской неприязни, успеха не имела.

В это же время, когда советская пропаганда обливала грязью бывшее польское правительство и выступала в защиту «угнетаемых» поляками евреев, на политическом Олимпе творцов советско-германской дружбы происходили секретные переговоры по еврейскому вопросу, направленные отнюдь не на спасение евреев от холокоста. Привожу содержание документа, опубликованного в газете «Московские новости» № 15 от 15-21 апреля 2005 года. Вот, что рассказал корреспондент этой газеты Павел Полян в статье: «Два миллиона не спасенных евреев». «Передо мною – поразительный документ, хранящийся в Российском государственном архиве социально-политической истории (бывшем Партархиве СССР). Это письмо начальника Переселенческого управления СНК СССР Е. И. Чекменева Председателю Совета народных комиссаров В. М. Молотову от 9 февраля 1940 года. Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР – конкретно в Биробиджан и Западную Украину.

По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские. Считаем, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты. Прошу указаний. Приложение: на 6 листах.

Если письма из Берлинского и Венского переселенческих бюро были подписаны их руководителями, то ими были Адольф Эйхман, назначенный начальником Берлинского бюро в октябре 1939 года, и Франц Вальтер Шталекер, отвечавший за Венское.

Фамилия Чекменева мало что говорит даже искушенному историку. А вот Переселенческое управление при СНК СССР, которое он возглавлял, действительно было наиболее подходящим адресатом для высокопоставленных чиновников СС. Эта организация отвечала за плановые государственные переселения, осуществлявшиеся, в основном, на добровольной основе, чем и отличалась от ГУЛАГа и Отдела спецпоселений НКВД.

К сожалению, ни «приложений на 6 листах» (скорее всего, оригиналы писем из Германии) ни в российских, ни в немецких архивах обнаружить не удалось. Но суть их передана Чекменевым: Гитлер предлагает Сталину забрать себе всех евреев, оказавшихся к этому моменту в Германии. Ответ: «забрать не можем, своих невпроворот!» Далее автор отмечает, что немецкие чиновники обратились к советским властям отнюдь не случайно, так как «окончательное решение еврейского вопроса» для Германии мыслилось тогда еще не как ликвидация, а как эмиграция. СССР не проявил ни малейшего интереса к судьбе еврейских беженцев, но всячески подчеркивал свой интернационализм.

После военного раздела Польши произошел обмен населением, для чего была создана Смешанная советско-германская комиссия по эвакуации. Но и тут не обошлось без курьезов. Сотрудник Главного немецкого штаба по эвакуации в Луцке Брюкнер приводит в своем дневнике такой случай. В декабре 1939 года на пограничный переход у моста через Буг возле местечка Сокаль прибыл состав с евреями. Советские пограничники не пропустили их, а когда те стали прорываться через заслон, открыли огонь. Евреи развернулись и пошли в германскую сторону, но и оттуда их встретили выстрелы. Несколько человек прыгнули в Буг и поплыли на советский берег, один утонул. И только через два часа, после консультации с высшими начальниками, группу пропустили. Один из немецких офицеров так прокомментировал эту сцену: «Значит, немцы в Германию, русские в Россию, а евреи – в Буг». Из

приблизительно двух миллионов польских евреев, оставшихся в немецкой зоне оккупации (в довоенной Польше проживало более 3,5 миллионов евреев) в советскую зону оккупации пробились только около 150 тысяч.

Еврейская часть населения г. Пинска приняла самое активное участие в формировании местных советских органов и милиции. Когда начались массовые аресты и депортация, сперва польского, а затем и белорусского населения, то этим представителям советской власти и милиции пришлось в этом участвовать. Во второй половине 1940 г. и в 1941 г. в деревне советская власть приступила к принудительной коллективизации и раскулачиванию крестьянских хозяйств. Среди представителей советской власти, принимавших участие в этих процессах, было много пинских евреев. Хочу отметить, что участие еврейского плебса в карательных мероприятиях оказало медвежью услугу всему еврейскому населению г. Пинска. В окрестных деревнях в ответ на советские мероприятия стали повторять старую песенку, изменив ее содержание: «Гоп мои гречаники, все евреи начальники, белорусов в колхоз, а поляков на вывоз» Эта песенка очень точно отображает настроение местного населения того времени и ошибки советской власти, которые не прибавляли ей авторитета. У нашего соседа, где я жил на квартире, арестовали брата, рабочего фанерной фабрики, за слово «жид». А это приняло определенный резонанс и тоже негативно сказалось на настроении польского и белорусского населения.

Я уверен, что если бы не такая сверхактивность просоветски настроенной части еврейского населения, то в период холокоста было бы спасено гораздо больше евреев, чем это оказалось на самом деле. Ведь, несмотря на смертельную опасность, не побоялась бабушка моего зятя спасти из гетто еврейскую девочку, которую она по совету своего священника быстро крестила в православную веру. Было много и других примеров, но их было бы гораздо больше. Ведь часто нравственные убеждения сильнее страха смерти.

Приходится удивляться, почему многочисленная еврейская интеллигенция (врачи, адвокаты, учителя, раввины и другие) не пыталась сдержать лишнюю активность еврейского плебса, который был абсолютно уверен в непобедимости Советского Союза. Может, и была такая попытка со стороны еврейской интеллигенции. Я не могу знать всех деталей. К тому же, арестам и депортации подвергались не только «богатые» евреи, но и еврейская интеллигенция, которая тоже была запугана. Ведь не протестовала же еврейская интеллигенция против закрытия еврейской гимназии в г. Пинске.

Надеюсь, что разумный человек – еврей, поляк или белорус поймет, что в своих заметках я изложил все то, что видел и сам пережил.

Гетто

Сквозь полвека работы над историей российской революции я множество раз соприкасался с вопросом русско-еврейских взаимоотношений. Они то и дело клином входили в события, в людскую психологию и вызывали накаленные страсти.
А. И. Солженицин.

Если в своем объемном, можно сказать, энциклопедическом труде «Двести лет вместе», Александр Исаевич отмечает, что русско-еврейские взаимоотношения «клином входили в события» России на протяжении 200 лет совместного проживания, то можно себе представить масштабность действий этого более чем 500-летнего еврейского клина в истории Польши. После известных притеснений евреев в западной Европе (Франции, Германии) на основании декрета: «De non tolerandis judaeis» в XV веке произошло дополнительное массовое их переселение в Польшу и на земли Великого княжества литовского (ВКЛ). Хотя можно смело утвер-

ждать, сославшись на многочисленные источники, в том числе и на Краткую Еврейскую Энциклопедию, что, уже начиная с XII по XVIII век, в Польше выросла и укрепилась самая большая в мире еврейская община. Таким образом, Польша и ВКЛ в те времена оказались самыми привлекательными и толерантными государствами для расселения еврейской диаспоры. «Літва без жыда – што за справа? Як суп без солі – што за страва!», – писал мой приятель, профессор Валерий Кирковский в своей любительской поэме «Сказ пра наш час». Поэтому совсем несправедливо упрекать эти страны в антисемитизме, как это делают, например, некоторые конъюнктурные советские и российские историки, забывая при этом указать на проявления антисемитизма у «вождя мирового пролетариата, товарища Сталина».

В течение многих веков ортодоксальный иудаизм, боясь ассимиляции, запрещал своим правоверным последователям проживать совместно с гоями. В результате в больших и малых городах (местечках) возникли целые кварталы отдельных еврейских поселений, которые представляли собой своеобразные сеттльменты или добровольные гетто. Эти полуизолированные сеттльменты я помню хорошо. В нашем Дрогичине еврейские дома занимали небольшой квартал, а в местечках Антополь и Хомск они располагались на какой-нибудь одной улице. В более крупном Пинске 40 процентов населения составляли евреи, и поэтому почти вся северо-западная часть города была заселена в основном евреями. Расслоение на богатых и бедных жителей еврейских кварталов, судя по их домам, было значительным: двухэтажные красивые каменные строения соседствовали с деревянными разной формы и величины. В начале прошлого века в результате секуляризации и более индифферентного отношения к религии вплоть до скрытого атеизма (точнее формального отношения к религии, т. к. открытый атеизм ставил заявителя в неловкое положение) происходило частичное расселение жителей средневековых «гетто». В пору моей молодости ни в

Дрогичине, ни в Пинске (наиболее знакомые мне города) уже не существовало строго изолированных по конфессиональному признаку кварталов или улиц. Еще в большей степени секуляризация коснулась больших городов, таких, например, как Варшава.

Период правления Ю. Пилсудского в Польше называли санацией (политическое оздоровление общества), которая подвергалась резкой критике со стороны экстремистов разного толка: от коммунистической (КПП) и профашистской партии ОНР, которые вскоре были запрещены, до других более или менее радикальных националистических объединений. Так, партия «Национальный союз» Романа Дмовского выдвигала лозунг: «Польша – для поляков», игнорируя многонациональный состав польского государства. Не отставала в организации различных национальных союзов и многочисленная еврейская община. В пределах границ довоенной Польши (включая Западную Беларусь и Западную Украину), как уже указывалось, проживало более 3,5 миллионов евреев, в том числе 350 тысяч из них были жителями Варшавы. Санация Пилсудского предоставила евреям локальную автономию, позволяющую общине организовывать культурную и общественную жизнь по своему усмотрению при соблюдении лояльного отношения к польскому государству. Например, повсеместно наряду с польскими гимназиями функционировали такие же еврейские. Попутно, для сравнения, хочу отметить, что к 1935 году во всех белорусских школах и гимназиях вводилось преподавание только на польском языке. Но этот указ не коснулся еврейских хедеров и гимназий, в которых велось преподавание как на идиш (в основном), так и на иврите. А вот еврейскую гимназию в Пинске закрыли 1 января 1940 советы под шумные и лживые пропагандистские измышления об ущемлении прав евреев в довоенной Польше.

Довоенная Варшава была главным центром культурной и общественной жизни польской еврейской общины. Здесь издавались на идиш (чаще всего) и на иврите книги, журналы и газеты. Не-

которые газеты, предназначенные и для польского читателя, которые мне доводилось читать, печатались на двух языках. Различные национальные партии и союзы («Bund» или хасидский «Agudat Jisrael») действовали легально и выдвигали своих представителей в городские органы самоуправления, а также в сейм и сенат. Постепенно ломались межнациональные барьеры, и значительная часть еврейской интеллигенции стала отождествлять себя польскими патриотами. Многие другие представители разных слоев также порывали связь с ортодоксами и считали себя поляками подобно тому, как, например, нью-йоркские евреи признают себя американцами. Один из знаменитых польских поэтов, Юлиан Тувим, в своем стихотворении «Мы – польские евреи» выразился так: «Ale przede wszystkim – Polak dlatego, że mi się tak podoba» («Прежде всего – Поляк потому, что мне так нравится»: ж. «Nowa Polska», 1944, № 3). В том же журнале, издаваемом в период эмиграции в Лондоне, он писал: «Я делю поляков и евреев, как и другие народы, на мудрых и глупых, порядочных и лжецов, интеллигентных и тупых, интересных и зануд, джентльменов и не джентльменов…».

Колония

Небольшой еврейский поселок из 13 или 14 дворов находился в нашей местности между деревнями Огдемер и Гутово. Этот поселок, который так официально и именовался – Колония, существовал с давних времен. От нашей деревни до Колонии расстояние было не более 5 км, и мне не раз приходилось вместе с отцом проезжать через этот поселок. И вот почему. Рядом с Колонией находилась паровая мельница. В соседней деревне Язвины на небольшой возвышенности стояли три ветряные мельницы (ветряки), которые в основном и обеспечивали потребность жителей окрестных деревень в помоле. Но в безветренную летнюю погоду

иногда приходилось пользоваться более дорогими услугами паровой мельницы, которая к тому же выдавала муку более высокого качества. Хозяином мельницы был поляк, а техническим мастером – еврей. Проезжая через указанный поселок и его окрестности я с любопытством подростка наблюдал работающих в поле необычных людей в темных хламидах, висящих на помочах и в черных поношенных шляпах. Руки и грудь в жаркую летнюю погоду (а я видел этих людей только летом) были открыты. Убирали пшеницу или рожь серпами и специально приспособленными косами мужчины. В поле были подростки, которые вязали снопы, но не было женщин, в отличие от привычной для меня картины массового выхода женщин в белых платках в поле в период жатвы. Попутно замечу, что хотя серп и молот являлись эмблемой советского государства, но это было только свидетельством вековой технической отсталости России. Жать серпом – неимоверно трудная работа, взваленная такой же отсталой традицией на хрупкие женские плечи. Использование косы со специальной металлической дужкой, затянутой полотном, значительно ускоряло и облегчало уборку урожая. В наших деревнях местные жители все чаще стали прибегать к такому «мужскому» способу уборки урожая. А тот, кто до войны потратился и успел купить конную жнейку, сразу при советах попадал в число кулаков и подлежал немедленному аресту и депортации на север (непростительная советская глупость).

Но вернемся снова к описанию указанного еврейского поселка. Дома в нем были деревянные, крытые гонтами или рубероидом, и, я бы сказал, более ухоженные, чем мужицкие в соседних деревнях. Других бытовых особенностей я не запомнил, так как в поселке бывал только проездом. Отец мне рассказывал, что предок этих евреев якобы за какие-то заслуги перед царем получил в награду такой значительный участок плодородной земли. Но, скорее всего, этот поселок представлял собой реликт тех древних поселений евреев на землях Малороссии (в основном) и Беларуси, предпринятых еще

Александром I. «Идея-то была, как пишет А. И. Солженицын, благая, но несоразмерная настроениям евреев-переселенцев и малых организационных способностей российской администрации. Замысел уже был потому безнадежен, что земледелие – это большое искусство, воспитываемое лишь в поколениях, а против желания, или при безучастности, людей на землю не посадить успешно». Думаю, что справедливы в этом заключении только слова «о слабых организационных способностях российской администрации». Судьба жителей Колонии в мое время оказалась печальной. Их не тронули «первые немцы», которых моя мать называла «нормальными людьми». «Вторые» – идеологизированные, в 1942 году согнали жителей поселка в Дрогичинское гетто, где они разделили судьбу остальных евреев.

Нерешенные вопросы

После смерти Пилсудского, начиная с 1936 года, в польском обществе стали возникать межнациональные трения на ниве университетского образования. В польских газетах того времени обсуждался, например, такой вопрос: «Нежелательно, чтобы половина врачей и адвокатов страны была представлена евреями» и др. В газетах, издаваемых в Вильне или во Львове, можно было встретить статью со следующим заголовком: «Вот ты, крессовяк (житель восточных крессов), не можешь поступить даже в «свой» (имелось в виду Виленский или Львовский) университет, так как твое место занял еврей». В какой степени эти университеты были «своими», – можно только гадать. Печаталось много других статей подобного рода, обсуждающих правомочность использования принципа «Numerus clausus» (процентной квоты абитуриентов). Можно было подумать, что сама польская администрация старалась при этом помочь молодым белорусам и украинцам получить

среднее или высшее образование. Вовсе нет. Существовала скрытая дискриминация по отношению к абитуриентам по конфессиональному признаку. Но все эти затруднения можно было преодолевать на основании конституции Польши, которая предоставляла равные права всем гражданам. Выпускник еврейской гимназии мог поступить в любой польский университет. Так, во время войны я служил короткое время вместе в одной роте 73 полка с евреем, который успел до войны окончить два курса на историческом факультете Львовского университета. Меня тогда удивил факт, что среднее образование он получил в еврейской гимназии в Вильне, а поехал поступать во Львовский университет, который он выбрал, оказывается, потому, что там было отделение истории стран Ближнего Востока, и он хотел специализироваться в этой области. Возможно, как я теперь понимаю, он готовился к эмиграции.

Эмиграция

Бери хворостину и гони жидів в Палестину.
(Местная поговорка 30-х годов).

И все же я, прожив в Польше 15 лет, в том числе 8 лет в школьном возрасте, должен признать, что Польша не была антисемитским государством. И даже указанная поговорка (она была вовсе не злобной) появилась только в конце 30-х годов, когда все польские газеты пестрели заголовками о том, что евреи «сами надумались уезжать в Палестину». В самой еврейской общине, судя по указанным газетным статьям, отношение к эмиграции было неоднозначным. Если сионистская партия и указанная выше «Агудат Израель» утверждали, что евреи должны уезжать в Палестину и их в этом вопросе «поддерживали» польские партии правого толка, то объединение Бунд, наоборот, выступало против эмиграции, считая, что евреям надо оставать-

ся жить там, где они родились и активно включаться в общественную жизнь страны. Газета «Robotnik» – орган польской социалистической партии (ППС), которую часто покупал мой отец, и мне приходилось ее читать, тоже не одобряла эмиграцию евреев и призывала их оставаться на Родине. И еще. Если обсуждение вопроса о выезде евреев в Палестину сопровождалось политическими заявлениями, то эмиграция их и многих других граждан Польши в Южную и Северную Америку вообще не комментировалась. А ведь такая эмиграция была не менее значительной. Может быть, потому, что она началась давно, еще в XIX веке и продолжалась непрерывно. Достаточно сказать, что половина американских евреев – это потомки выходцев из Польши. Особо следует подчеркнуть, что в этой, довольно бедной европейской стране накануне II мировой войны, по данным Н. Девиса, проживала одна четвертая часть всех евреев мира. Это самый важный контраргумент «польского антисемитизма». В Польше евреям жилось относительно комфортно, и они не спешили покидать эту страну. Во всяком случае, из нашего Дрогичинского района, в котором проживало до войны более 10 тысяч евреев, в Палестину не выехала ни одна семья (сведения получены в нашем музее истории г. Дрогичина).

Опасный сосед

Возможно партии сионистского толка, призывая и помогая польским евреям покинуть страну и выехать в Палестину, предчувствовали надвигающуюся опасность. И они были правы в этом предчувствии. Тот, кто успел эмигрировать до 1940 года, избежал Холокоста. И, тем не менее, опасность немецкой агрессии не только евреями, но и большинством других граждан страны всерьез не воспринималась. Уж слишком велики были надежды на союзни-

ков Польши – Францию и Англию. И только КПЗБ и КПЗУ были уверены в грядущей войне и участии в ней Советского Союза. В соседней Германии после прихода к власти Гитлера исход евреев из страны значительно возрос. Привожу данные немецкого историка Иоахима Феста: выезд евреев из Германии составил в 1933 году – 63 400 человек, в 1934 – 45 000, в 1935 – 35 500, в 1936 – 34 000, в 1937 – 25 000, в 1938 – 49 000, в 1939 – 68 000 человек. Неравномерность такого исхода зависела от колебаний политики Гитлера. Так, в 1937 году он наказал некоторых штурмовиков из организации СА за осквернение еврейского кладбища в Мюнхене и результатом этого явился временный спад указанной эмиграции.

IV раздел Польши

О польской трагедии 1939 года написано много книг. О предательском поведении Советского Союза в этой трагедии мною также сообщено в ряде глав в книге «Записки западного белоруса». В результате тайного сговора коммунистов с фашистами более двух миллионов польских евреев сразу попали в когти нацистов. Важно еще раз заметить, что до 1940 года руководство нацистской партии не имело окончательного решения еврейского вопроса. Об этом, как уже указывалось выше, можно судить по документу, хранящемуся в Российском государственном архиве. От переселения на территорию СССР всех евреев, оказавшихся в зоне немецкой оккупации, советская сторона отказалась на фоне шумных пропагандистских заявлений советского агитпропа в защиту прав евреев, которых якобы угнетали поляки. Зная тоталитарный характер советского государства, не следует думать, что тов. Молотов единолично, как председатель Совмина, мог принять столь важное политическое решение без согласования со Сталиным. Последний, в свою очередь, не мог пойти на такой шаг из-за своих давних

антисемитских убеждений (подробнее см. Р. Бракман: «Секретная папка И. Сталина»). Поэтому польские евреи, оставшиеся в немецкой зоне оккупации, были обречены. Впрочем, участь самих поляков в долгосрочных планах Гитлера мало чем отличалась от участи евреев, и на скамейках в Варшавских парках уже в конце сентября 1939 года виднелись надписи: «Fur Juden und Polen sitzen ist verboten».

Польские евреи на территориях, присоединенных к СССР

Если в немецкой зоне оккупации граждане еврейской и польской национальностей оказались в сходных условиях открытой расовой угрозы, то на территориях, отошедших к СССР, поляки и евреи сразу попали в разные, весьма противоположные социально-бытовые и правовые условия. Политика Советского Союза по отношению к полякам в 1939 году была резко враждебной. Слово «белополяк» стало синонимом слова поляк, и советские агитаторы, наводнившие Западную Беларусь после 17 сентября, без всякого стеснения произносили это слово в своих пространных речах на различных митингах и собраниях «трудящихся», которые мне доводилось посещать в городе Пинске. Поляков арестовывали и вывозили в Сибирь, невзирая на социальное положение и происхождение той или иной семьи. Еврейское население г. Пинска (в основном плебс) активно участвовало в формировании местных органов власти и милиции, которая вынуждена была принимать участие в проводимых арестах и в конвоировании арестованных.

Органы НКВД особенно охотились за бывшими польскими офицерами и сержантами. До их ушей дошли сведения о том, что верховное руководство польской армии еще до капитуляции Варшавы создало подпольную организацию SZP (переименованную потом в Армию Крайову (АК). В ее задачу входило спасти

как можно больше польских солдат и офицеров от пленения их вермахтом и Красной армией. Те, кто не успел через Румынию, Венгрию и Прибалтику уйти на Запад, должны были укрыться в подполье и стать резервом для формирования боевых отрядов АК. Командование АК сразу убедилось, что ее подразделениям очень трудно противостоять советским органам НКВД, которые использовали местную милицию для вылавливания польских офицеров, полицейских и других потенциальных сторонников польского сопротивления. Много обидных слов в адрес местных евреев в связи с этими событиями сказано в польской послевоенной печати бывшими участниками сопротивления и другими лицами, репрессированными в 1939-41 гг, – т. н. «сибиряками».

1941 год

Не ангажированные историки справедливо указывают, что прихваченные Советским Союзом по договору с Гитлером территории стали ловушкой для Красной Армии, которая в короткий срок была разгромлена вермахтом и отброшена на сотни километров на восток. В той панике и неразберихе, которую мне пришлось наблюдать в июне 41-го, редко кому удалось уйти на восток вместе с остатками армии. Из 3,5 миллионов польских евреев не менее 1,5 миллиона, если не больше, проживало на территории Западной Беларуси, Украины и Виленщины. Мне неизвестно число евреев, успевших эмигрировать до войны из Польши в Палестину. Небольшая часть богатых евреев из бывших Восточных крессов Польши была арестована советами и вывезена на восток, что позволило некоторым из них уцелеть. В результате военных действий уже в 1941 году в когтях Гитлера оказались почти все евреи бывшего польского государства. К этому времени в головах нацистской верхушки уже созрел план «окончательного решения ев-

рейского вопроса», то есть физического их уничтожения. В целом можно утверждать, что из 6 миллионов жертв Холокоста большую половину составляют погибшие польские евреи. Таков печальный итог пакта Молотова – Риббентропа и тайного Протокола, приложенного к нему. О зловещих последствиях этого документа не следует забывать российским апологетам политики Сталина, историкам Холокоста (прежде всего) и тем, кто бездумно призывает объявить 17 сентября еще одним праздником Дня независимости. День 17 сентября – черный день календаря не только для поляков, но и для белорусов, украинцев и евреев.

Юденраты

Повсеместно на оккупированной территории в городах и местечках в принудительном порядке были созданы т. н. юденраты. Об их деятельности и борьбе за выживание в условиях гетто весьма подробно сообщил Евгений Розенблат (г. Брест) в ежегоднике «Homo Historicus», 2008. Методы создания еврейских советов, пишет указанный автор, были различными. В большинстве случаев оккупационные власти предлагали какому-нибудь представителю еврейской общины сформировать юденрат. Чаще всего таким представителем становился местный раввин, который отвечал за подбор остальных членов еврейского совета. Так, по крайней мере, произошло в нашем Дрогичине. В 1941 году я жил в течение одного месяца на квартире у баптистского регента Шельпука, дом которого стоял у самой границы гетто, и мне были известны все бытовые подробности и социальный уклад жителей гетто. К тому же, мне иногда случалось переговорить со своими прежними школьными товарищами – евреями, т.к. на начальном этапе формирования гетто оно охранялось только шуцманами юденрата. Эти грустные сцены из жизни гетто более подробно представлены мной в книге «Записки

западного белоруса». Е. Розенблат условно делит членов еврейского самоуправления и полиции на две основные группы:

1. Приверженцы стратегии коллективного выживания. К этой категории следует отнести тех членов юденратов и еврейской полиции, которые отождествляли себя с остальным еврейским населением. Их усилия были направлены не только на собственное спасение и спасение своих близких, они брали на себя ответственность за сохранение всей общины.

2. Лица, осуществляющие стратегию индивидуального выживания. В эту группу следует включить тех сотрудников юденратов и еврейской полиции, которые противопоставляли себя остальной массе евреев и использовали все средства для собственного выживания, включая действия, ведущие к гибели определенных людей или всей общины.

Это уже из области психологии поведенческих реакций индивидуумов в экстремальных условиях. Ибо нигде так рельефно не проявлялись эти особенности человека, как в ГУЛАГе или в гетто. И никогда раньше человечество не встречалось с таким явлением, чтобы массовое уничтожение людей по расовому или классовому признаку было возведено в ранг государственной политики.

Некоторые различия

Активная коллаборация еврейского плебса с советской властью в 1939-41 гг. (мною это показано на примере г. Пинска) в какой-то мере осложнила деятельность юденратов, направленную на выживание в условиях гетто. Местное население не могло забыть и простить ни своим, ни еврейским милиционерам их участие в арестах и массовой депортации поляков и белорусов в Сибирь и на Соловки. Особенно это касается Виленщины, Гродненской и Белостокской областей, в которых процент польского населения

довольно велик. Именно в этих областях удалось спастись от преследований НКВД наибольшему числу польских офицеров и другим активистам польского сопротивления. И в то же время именно в этих областях был наиболее жестоким и массовым чекистский террор. Родственники пострадавших от этого террора и другие граждане стали во многих случаях в 1941 году коллаборантами немцев. Мне известно, что руководство АК поручало своим активистам вступать в немецкую полицию и на службу в местную администрацию с целью добывания оружия, получения информации и, что не менее важно, наказания тех, кто сотрудничал с советами. Помимо литературных источников у меня эти сведения почерпнуты от живых свидетелей тех событий. После окончания мединститута в течение трех лет мне довелось работать в Порозовском районе Гродненской области и удавалось доверительно поговорить со многими людьми разной политической ориентации и даже с теми, кто более 10 лет прятался в подполье и вышел на свободу только после смерти Сталина. О степени политизации жителей местечка Порозово можно судить по тому, что примерно 15-20 процентов из них ушли в 1944 году на Запад или осели в послевоенной Польше. Некоторые эмигранты приезжали в гости к своим родственникам, и мне тоже удавалось с ними побеседовать на общую для нас тему войны. Со мной работал доктор Стефан Новицкий, эмигрант из Белостоксчины, свидетель кровавого террора НКВД в 1939-41 гг., гестапо – в 1941-44 гг. и АК – во все эти годы и после войны. Сам он вместе с мамой покинул родные места в 1945 году после убийства его отца местной бандой, предположительно АК или маскировавшейся под АК, подобно тем бандитам на территории Беларуси, которые свои бесчинства маскировали под советских партизан.

Можно себе представить, в каких сложных условиях оказались юденраты в Белостокской области, ставшей составной частью Восточной Пруссии. Местные профашистские польские газеты призывали население отомстить евреям за торжественную встречу ими

Красной Армии в сентябре 1939 года и за их коллаборацию с органами НКВД. И, тем не менее, доктор Новицкий мне рассказывал, что после первых еврейских погромов в июне-июле 41-го немцы быстро приструнили разбушевавшихся польских националистов и установили свой прусский Ordnung, показав полякам, что они тоже Untermenschen. Гетто в г. Белостоке было одним из самых крупных в Польше после Варшавского. Вот как описывает жизнь (выживание) в нем Е. Розенблат: «В гетто действовали 4 общественные столовые: для рабочих и малоимущих; для представителей интеллигенции; для служащих полиции, пожарной охраны и их семей; диетическая. В общей сложности в апреле 1942 г. дешевые и бесплатные обеды в еврейских общественных столовых получили 3 000 человек, спустя год – 7 000 человек (более 1 000 человек составляли представители интеллигенции)». В заключении автор отмечает: «Стратегия выживания, которую применяли члены юденратов (Брестская, Гродненская и Белостокская области), пытавшиеся приобрести репутацию преданных режиму сторонников, заключавшаяся в лавировании между требованиями оккупационных властей и потребностями еврейского населения, объективно в значительной степени обеспечивала существование еврейской общины. Но она не привела к коллективному спасению. На полный провал ее обрекла бесповоротность «окончательного решения еврейского вопроса». Однако действия юденратов способствовали увеличению шансов евреев на индивидуальное и в некоторых случаях групповое спасение».

Варшавское гетто

В довоенной Варшаве практически не существовало отдельных еврейских кварталов. К созданию гетто немецкая администрация приступила только в октябре 1940 года, т. е. через год после оккупации Польши. До этого времени у немцев не суще-

ствовало плана окончательного решения еврейского вопроса, и они предполагали решить эту проблему путем переселения около двух миллионов евреев в СССР и, возможно, в другие страны. Выше было отмечено, что Советский Союз ответил отказом на это предложение немецкой стороны. Формирование Варшавского гетто совпало с началом строительства на оккупированной территории специальных концлагерей, приспособленных для физического уничтожения людей, что могло означать только одно: фашисты готовятся к массовой экзекуции. О том, как создавалось гетто в Варшаве, сообщает Норманн Девис в своей книге «Восстание, -44», описывая Варшавское восстание 1944 года под руководством генерала Бур-Комаровского. О некоторых бытовых деталях начального периода формирования гетто мне рассказала родная тетя жены моего брата Ковальчук Зинаида, которая в 1930 году уехала в Варшаву на заработки и длительное время служила домработницей в богатой еврейской семье. Странно, судя по ее рассказам, что даже эта семья, с большими материальными возможностями, была настолько плохо осведомлена о расистских планах Гитлера, что вовсе не собиралась эмигрировать даже в начале 1939 года, когда угроза нападения Германии на Польшу висела в воздухе.

Сформированное Варшавское гетто, по описанию Девиса, состояло из двух частей: «большое» и «малое», которые соединялись деревянным мостом над улицей Хлодная, важной транспортной артерией города. Оба гетто были обнесены высокой кирпичной стеной и колючей проволокой. Еще до возведения стены силами самих евреев, в ноябре 1940 года в течение двух недель была проведена сегрегация: поляки вынужденно покидали свои дома на территории гетто, а евреи на так называемой «арийской» стороне. Несмотря на строгие меры (расстрел), по данным указанного автора, 15 000 евреев оставались жить по поддельным документам за пределами гетто. Начиная с 1941 года, в Варшавское гетто переселялись евреи из дру-

гих городов, и число жителей в нем выросло до 460 000. Скученность и недостаток продуктов питания обрекали большинство жителей «большого гетто» на голодную смерть. «Малое гетто» в социальном плане существенно отличалось от «большого». Богатые евреи откупались от немецкой администрации и могли до поры до времени обеспечивать себе сносное существование. В этом гетто работали кафе, ресторан, столовая для литераторов и специальная кухня, которая готовила обеды для менее обеспеченных жителей. Не затухала и культурная жизнь: в кабаре при двух кафе и в музыкальном театре выступали такие знаменитости довоенной Варшавы, как эстрадные певицы Вера Гран и Марыся Айзенштадт, а также известные пианисты Владислав Шпильман (ему удалось спастись) и Артур Гольдфебер. «В этой ситуации отчаяния люди искали забвения и впадали в эскапизм», – пишет Девис.

Гетто просуществовало два с половиной года – с ноября 1940 г. до мая 1943 г., и пережило 5 различных периодов. Вначале ворота гетто были открыты, и евреи с повязкой на рукаве со звездой Давида могли свободно перемещаться по городу. С декабря 1940 г. ворота закрыли, и гетто постепенно превращалось в концлагерь. А далее следовали периоды, которые мною описаны ранее на примере гетто в нашем Дрогичине, с той только разницей, что евреев из небольших городов далеко не увозили, а расстреливали на местах. Узников огромного гетто Варшавы в массовом порядке начали увозить в лагеря смерти только с июля 1942 г. и, главным образом – в лагерь «Тремблинка», – пишет Девис. Из секретных документов рейха стало известно, что окончательное решение «еврейского вопроса» с использованием лагерей смерти Гиммлер принял в январе 1942 г. С этого времени в Варшавское гетто свозили евреев со всех оккупированных немцами стран Европы прежде, чем отправлять их в «Тремблинку». В этом страшном лагере погиб известный врач и детский писатель Януш Корчак вместе с детьми-сиротами, которые находи-

лись под его опекой. Все написанное об этом человеке нельзя читать без волнения.

19 апреля 1943 года оставшаяся часть жителей гетто оказала карателям СС вооруженное сопротивление, которое продолжалось 27 дней. Руководили восстанием М. Анелевич, который погиб в ходе восстания и Марек Эдельман, который остался жив и потом участвовал в Варшавском восстании АК в 1944 году. Еврейская боевая группа все время держала связь с АК, которая сумела передать в гетто стрелковое оружие и гранаты. Когда генерал СС Юрген Струп и две тысячи солдат и полицейских вошли в гетто бойцы сопротивления из подготовленных укрытий открыли по ним огонь и забросали их гранатами. От неожиданности каратели растерялись и, понеся значительные потери, временно отступили. Но вооруженные легким стрелковым оружием участники сопротивления не могли долго противостоять регулярной армии. Генерал Струп для подавления восстания избрал тактику выжженной земли: обстреливая и поджигая дома, каратели методично уничтожали гетто. О восстании в Варшавском гетто написано много книг. Наиболее объективно эти события представлены в мемуарах М. Эдельмана, отмечает Н. Девис. Для справки: Марек Эдельман родился в 1919 году в Варшаве. В момент восстания ему было 24 года. Активист организации «Бунд» и участник двух восстаний.

Дополнение: истоки антисемитизма

Основоположник психоанализа Зигмунд Фрейд указывал на следующие скрытые причины этого явления: «Более глубокие мотивы антисемитизма уходят своими корнями в давно ушедшее прошлое; они приходят из подсознания, и я вполне готов принять, что то, что сейчас скажу, вначале покажется неправдоподобным. Я дерзну утверждать, что евреи, заявляя о том, что они первородное

и наиболее любимое дитя Бога, вызывают зависть у других народов, и эта зависть до сих пор не преодолена, как будто эти народы поверили в это явление. Более того, среди обычаев, которыми евреи выделяют свое возвышенное положение, обрезание производит неприятное впечатление на других. Объяснение этому, вероятно, заключается в том, что этот обычай напоминает об угрозе кастрации и об обычаях первобытного общества, о которых всем хотелось бы забыть». Р. Бракман отмечает, что «Фрейд имел в виду антропологическую теорию о первобытном обществе, когда люди жили небольшими племенами, во главе которых стоял отец-вождь. Он владел всеми женщинами племени и был отцом их детей. К своим сыновьям вождь относился как к соперникам, жестоко и беспощадно их преследуя, убивая, кастрируя или изгоняя из племени. Но в какой-то момент вождь дряхлел, и сыновья его убивали. Затем начиналась борьба между сыновьями, в результате которой один из них побеждал, убивал, кастрировал или изгонял остальных из племени, и цикл начинался вновь, продолжаясь из поколения в поколение на протяжении тысячелетий. Человечество отказалось от этого обычая еще в далекие времена, но подсознательная память о нем пробуждается в специфических случаях, разбуженная каким-то особо травмирующими обстоятельствами». Далее автор сообщает, что известный английский психиатр и биограф Фрейда Эрнест Джонс описал больных «комплексом бога», которые не способны терпеть любую форму власти, если она представлялась им в образе «злого отца», и такое заболевание всегда сопутствует тенденции к антисемитизму. Комплекс кастрации также присущ таким больным. Роберт Вейти, биограф Гитлера, придавал большое значение его атавистическим отклонениям – отсутствию одного яичка, – объясняя этим главную причину гитлеровского комплекса кастрации.

Можно ли с позиции «комплекса кастрации» объяснить склонность к антисемитизму у некоторых народов или отдельных лиц? Начнем с того, что обряд обрезания присущ не только иудаизму,

но и такой распространенной религии, как ислам, который помимо семитов-арабов исповедуют многие другие народы, например, четверть населения современной России. Что же касается Гитлера, то его антисемитизм зарождался в Вене. И вот почему. В многонациональной Австро-Венгрии конца XIX и начала XX веков немецкое население оказалось в меньшинстве, и на этой почве возникла идеология «Фолькише» и расового превосходства, которая выдавалась за учение, направленное на спасение старого гибнувшего мира. Биограф Гитлера И. Фест пишет: «Всплеск антисемитизма связан с широким потоком переселенцев из Галиции, Венгрии и Буковины. Эмансипация евреев шла весьма успешно, особенно в столице, и именно по этой причине они и устремились сюда во все большем количестве… Фигуры в долгополых черных кафтанах и в высоких шляпах бросались в глаза на улице на каждом шагу. Евреи казались чужестранцами, пришедшими из какого-то таинственного мира и принесшими с собой его ужасы… Ощущение угрозы и засилья вызывалось не только тем, что они непропорционально своему количеству вторгались в ученые профессии, оказывали доминирующее воздействие на прессу и завладели почти всеми крупными банками Вены и значительной частью промышленности». Далее автор отмечает, что многие евреи-интеллигенты со склонным к бунту и утопии темпераментом встали во главе рабочего движения, в результате чего и стала вскоре вырисовываться картина «великого заговора» и «грядущей революции».

На этом фоне появилась книга Германа Альвардта с характерным названием «Отчаянная борьба арийских народов с еврейством», а изложенные в ней фантазии захватили в Вене широкие слои населения. Вот в этом городе и на этом фоне провел Гитлер молодые годы своей жизни. И Фест пишет: «Он приехал в Вену, окрыленный самыми радужными надеждами. Не сомневался он и в своем таланте художника, более того, как он сам писал, в этом плане он испытывал «гордую уверенность». Далее события развивались

следующим образом. В октябре 1907 года 18-летний А. Гитлер записывается на испытания по рисованию в Академию художеств. Первый этап экзаменов он выдерживает, но на втором ему указывают, что в его рисунках «мало изображений голов», и он получает неудовлетворительную оценку. Его биограф пишет: «Удар был неожиданным и жестоким. Расстроенный до глубины души, Гитлер идет на прием к ректору Академии, который посоветовал ему заняться архитектурой (по-видимому, из-за хорошего качества его других рисунков зданий, арок и пр.)… Потом Гитлер назовет все это «страшным ударом», «яркой молнией», и, пожалуй, на самом деле, ему уже больше не придется пережить такого резкого столкновения мечты и действительности». Тем не менее, через год он делает еще одну неудачную попытку поступить в указанную Академию. (Ректором Академии художеств на тот момент являлся профессор Зигфрид Алеман, по национальности еврей, что впоследствии дало Гитлеру повод говорить о «еврейском заговоре»).

Нам трудно судить, заслуженно или не заслуженно молодой Гитлер не был принят в Академию художеств. Во втором томе книги И. Феста представлены копии 10 картин Гитлера, нарисованных им в период 1910- 12 гг. Это Крестьянский дом у моста, Озеро Кенигри; В горах; Горное озеро; Вена. Старые ворота; две картины Венской оперы; Родной дом в Браунау; Замок Лемберг и Уголок Мюнхена. Эти картины по моим оценкам – простого зрителя небесталанны. В 2008 году в Интернете появилась статья Аллы Аловой: «Почему Адольф Гитлер не стал великим художником?» Вот ее содержание: «В сентябре 2006 года в Великобритании прошел аукцион, на котором были выставлены работы начинающегося художника Адольфа Гитлера. Торги могли бы и не состояться, если бы на том же аукционе среди прочих полотен случайно не оказался портрет почтальона из Голландии с подписью А. Гитлер. Портрет стоимостью 5 200 фунтов приобрел один из местных жителей. А через год одна бельгийская дама представила общественности свою коллекцию произведе-

ний фюрера, которую обнаружила на чердаке своего дома много лет назад. В 1980-е годы эксперты из Бельгии подтвердили подлинность этих картин. Именно эта коллекция и была выставлена на продажу в 2006 году. На аукционе была продана самая дорогая картина из архива Гитлера, оцененная в 10,5 тысяч фунтов стерлингов. Ее приобрел неизвестный россиянин. Таким образом, общественность наконец-то смогла познакомиться с творчеством Адольфа Алоизовича. Но до сих пор четыре картины кисти фюрера находятся «за семью печатями». Эти картины принадлежат армии США и покоятся в секретном подземном хранилище в Центре военной истории… Доступ к этим картинам открыт только для нескольких экспертов-искусствоведов и, по заявлению американцев, полотна никогда не будут представлены общественности. Эти «засекреченные» картины принадлежали ранее личному фотографу, другу и советнику Гитлера – Генриху Гофману, который после победы над фашизмом спрятал свой личный архив в нескольких тайниках. Позднее эти тайники были конфискованы союзниками и объявлены фашистской пропагандой, а некоторые материалы тайников стали уликами на Нюрнбергском процессе.

После смерти Алоиза, его жена Клара, оставшись с пятью детьми одна, узнала о том, что смертельно больна. Ее желание видеть в сыне состоявшегося человека взяло верх, и она все-таки позволила Адольфу поступать в Венскую Академию Искусств. Гитлер пренебрег подготовкой к вступительным экзаменам, посчитав свой талант гениальным, и в октябре 1907 года успешно провалил все испытания. Но, чтобы не расстраивать умирающую мать, Адольф солгал ей, сказав, что поступил, и теперь будет учиться живописи. Когда матери не стало, Гитлер переехал жить к своему другу, но, стыдясь своего провала, молодой «лжестудент» дни напролет проводил на улице, посвящая свои прогулки созерцанию городской архитектуры Вены. В сентябре 1908 года он предпринял вторую попытку поступить в Академию, но и в этот раз судьба отвернулась от него: прием-

ная комиссия даже не взглянула на работы начинающего художника. Гитлер впал в депрессию, из-за чего вскоре оказался на городском дне вместе с бродягами.

В августе 1910 года Гитлер по счастливой случайности познакомился с Рейнгольдом Ганишем, сообщив ему, что неплохо рисует. Ганиш неправильно понял нового друга, приняв его за маляра. Но позже, посмотрев творения Адольфа, предложил ему организовать совместный бизнес. С этих пор Гитлер начал рисовать пейзажи и городские здания на холстах размером с почтовые открытки. Ганиш вполне успешно продавал их в трактирах и гостиницах по 20 крон. Позднее, когда Гитлер переехал в Мюнхен, картины уже продавались в большом количестве, принося их автору доход выше среднего. Второй этап в творчестве Гитлера наступил, когда он был на фронте. На акварелях, написанных в окопах, в основном изображены здания, разрушенные бомбардировками. Примечательно, что в творчестве Гитлера в это время изображения людей практически полностью отсутствуют.

В общей сложности кисти Адольфа Гитлера принадлежит 3400 полотен, написанных в большинстве своем на фронте во время войны. Но по ряду причин (видно, скорее нравственных) большинство художников и экспертов сомневаются в подлинности этих картин, а профессиональные критики почти в один голос заявляют, что полотна эти не представляют собой никакой художественной ценности. Но многие все же признают, что основные художественные приемы и принципы (перспектива и проч.) соблюдены верно. Лишь один из немногих искусствоведов – Даг Харви – имел доступ ко всем четырем засекреченным картинам кисти Гитлера. После детального их изучения, Харви опубликовал ряд статей, посвященных этим работам, где позиция профессиональных критиков и искусствоведов в отношении творчества фюрера была четко обозначена. Так, в интервью газете «Нью-Йорк таймс» он заявил: «Как только жрецы начинают говорить о картинах Адольфа Гитле-

ра, их тон становится пренебрежительным, словно признание его визуальных способностей могло бы оправдать Холокост».

На сегодняшний день полотна фюрера может увидеть любой желающий: большинство картин представлены во многих интернет-галереях. Отзывы большинства посетителей таких сайтов хоть и весьма противоречивы, но подчеркивают, что творчество Гитлера зачастую способно удивить, будоражить сознание. Вот один из таких отзывов: «Красиво, а ведь если бы его приняли в художественное училище, то это, наверное, изменило бы всю историю, и не было бы войны. Ведь он всего лишь не любил рисовать людей».

Это, конечно, поверхностное суждение об исторических событиях и причинах прошедшей войны. И агрессивный антисемитизм Гитлера зарождался под влиянием ряда совокупных причин. Можно только согласиться с тем мнением, что у дипломированного и устроенного в социальном плане художника Гитлера политика отошла бы на задний план. Что же касается антисемитизма того времени, то это не только и не столько германское явление. И. Фест, ссылаясь на других авторов, например, на Сомбарта (Sombart W. «Die Juden und das Wirtschaftsleben»), отмечает, что «традиционно мотивировавшаяся религиозными причинами ненависть к евреям становится во второй половине XIX века антисемитизмом, обосновывающимся уже причинами биологическими или социальными. В Германии для популяризации этой тенденции особенно много сделали философ Ойген Дюринг и журналист Вильгельм Марр своей книгой под характерным заголовком «Победа евреев над германцами, рассмотренная с неконфессиональной точки зрения». Далее автор пишет, что антисемитизм в Германии был менее интенсивен, чем во Франции и уж конечно куда слабее, чем в России или в Австро-Венгрии.

Что же касается Гитлера, то его антисемитские убеждения особенно укрепились в 1917 году. И вот почему. В октябре 1916 года после ранения в левое бедро Гитлер был доставлен в лазарет в Биелице под Берлином, в котором пробыл почти пять месяцев. Не

имея ни своего очага, ни какого-либо пристанища, Гитлер до этого отказывался от отпуска и свой полк считал чуть ли не родным домом, в котором за мужество он получил самые высокие солдатские награды (Железный крест 1-го класса и др.). На фронте он понял значение солидарности и самодисциплины. «Его охватило отчаяние, пишет Фест, когда он обнаружил, что времена всеобщего энтузиазма начала войны уже прошли. Вместо возвышающего единения нации опять подняли голову партии. Здесь царили партийные свары, разногласия, противодействие властям». Он тогда же заметил, что среди лидеров этих партий, особенно марксистского толка, преобладали евреи (Карл Либкнехт, Роза Люксембург и др.). В октябре 1918 г. Гитлер снова попадает в лазарет после газовой атаки на его полк во Фландрии. А 10 ноября до него дошло «самое отвратительное известие в жизни», – в Германии произошла революция. «Я никогда не плакал с того дня, как был на могиле матери… Но теперь я не мог удержаться», писал он в «Mein Kampf». Почему у ефрейтора Гитлера столько переживаний по поводу падения монархии? Его биограф И Фест также отмечает: «Лично для Гитлера это означало очередное расставание с иллюзиями (какими?), столь же внезапное и непостижимое, как и та провалившаяся в самом начале его жизненного пути попытка попасть в Академию художеств. Это раздутое до масштабов мифа переживание станет одной из постоянных тем в ходе его дальнейшей карьеры». За все негативные для Германии события и за свои собственные неудачи и переживания, он склонен обвинять евреев. Вернувшись в Мюнхен, он тут же направился в казармы своего полка, который в 1919 году принимал участие в свержении правительства «Красной Баварии». Гитлер собирает сведения для развернутых допросов и выискивает солдат, служивших коммунистическому режиму, которым в то время выносились довольно суровые приговоры. «Свои задания, пишет Фест, он выполняет так успешно, что вскоре после этого его направляют на политические курсы».

Возвращаясь к теории Фрейда о биологических истоках антисемитизма, можно допустить, что какую-то роль (но далеко не главную) в указанных убеждениях Гитлера могли играть его сексуальные проблемы атавистического генеза. Ведь и его друг юности Август Кубицек с удивлением вспоминал, что у молодого Адольфа в Вене не было знакомых девушек. И брак Гитлера с Евой Браун дает много поводов для размышления. Если указывать на какие-то общие биологические причины антисемитизма у Сталина и Гитлера, как об этом пишет Р. Бракман, то следует также отметить неидентичность их сексуальных составляющих.

Пакт Молотова-Риббентропа и Холокост еврейского народа

Польский народ и вся Польша стали объектом ненависти Сталина давно, с момента разгрома Красной Армии под Варшавой в 1920 году. Расправившись с «польскими врагами» на территории СССР, он стал вынашивать план уничтожения Польши, как государства. Для этой цели он решил использовать Гитлера, такого же ненавистника поляков и евреев, как и он сам. Проводя тайные сношения с Гитлером, Сталин тем самым провоцировал нападение Германии на Польшу, зная, что этой акцией он раздувает пожар мировой войны. Окончательное решение о ликвидации польского государства было принято в Москве 23 августа 1939 года. Подписание пакта Молотова – Риббентропа вместе с секретным Протоколом по разделу Польши обрекло 3,5-миллионную общину польских евреев на уничтожение. Советские и современные российские и некоторые белорусские историки обходят эту важную тему молчанием. Соучастие Советского Союза в указанном геноциде не акцентируется историками Холокоста.

Еврейский погром в Кракове, 1939 год

Трудовые будни польских евреев в составе Третьего Рейха

Дети Варшавского гетто

Еврейские дети в очереди за супом

Кто развязал II мировую войну? Еще раз укажем, что в ночь с 23 на 24 августа 1939 года неожиданно для всех стран Запада Германия и Советский Союз подписали документ, который стал официально именоваться «Советско-германским договором о ненападении». Зачем им понадобился такой договор, если эти государства находились друг от друга на далеком расстоянии и не имели общей границы? Их разделяла Польша, независимость которой они признавали, заключив с ней мирные договоры. И выходит, что само подписание такого документа изначально предусматривало не мир, а войну. К этой войне товарищ Сталин готовился давно, заключив с Германией еще в тридцатые годы прошлого столетия ряд экономических и политических соглашений. В соответствии с этими соглашениями на территории Советского Союза, в обход Версальского договора, проходили в закрытом режиме подготовку немецкие военные специалисты (танкисты, летчики и др.). Да и сам «Договор о ненападении» явился лишь ширмой для прикрытия более важного документа – «Секретного Протокола по разделу сфер влияния», который завизировал сам товарищ Сталин, расписавшись на приложенной карте так, что хвост буквы «н» занял часть пространства за Вислой (см. рис. фотокопии документа). В соответствии с этим Протоколом граница IV раздела Польши между Германией и СССР должна была проходить по реке Висла. Таков был первоначальный замысел кремлевского диктатора: восстановить прежние западные рубежи Российской империи. Что послужило причиной пересмотра указанной границы – не известно. Советские историки, фальсифицируя факты, основательно запутали этот вопрос ссылками на «освободительную роль Красной армии». Однако известно, что еще 23 сентября 1939 года в официальном германо-советском коммюнике значилось: «Демаркационная линия между Вермахтом и Красной армией должна проходить по рекам Писса-Нарев-Буг-Висла-Сан».

Преступный сговор коммунистов с фашистами

Освещая этот вопрос, важно пояснить, как развивались события накануне подписания злополучного советско-германского «Договора о ненападении». Летом 1939 года в Москве проходили трехсторонние переговоры по созданию системы коллективной безопасности с представителями Франции и Англии, которые закончились безрезультатно. На этих переговорах в качестве предварительных условий советская сторона (ее представлял маршал Ворошилов) выдвинула требование – немедленный пропуск советских войск на польскую территорию через Виленский коридор и Галицию, а также на территорию Румынии. (Заметьте наглость советской стороны и полное игнорирование мнения независимых государств). Представители западных стран соглашались на такую акцию Красной армии, но только в случае нападения Германии на Польшу (отметим, что к этому времени уже существовал польско-румынский договор о дружбе и взаимопомощи). Следовательно, указанная демагогическая риторика понадобилась Ворошилову для того, чтобы сорвать переговоры с Англией и Францией и расчистить путь для более «выгодного» соглашения с нацистской Германией. Такое соглашение между двумя диктаторами, в тайне от западных стран, готовилось давно. Сталин и его комиссары рассматривали предпочтительный союз с гитлеровской Германией, как важное достижение их геополитических замыслов. Поэтому во время очередного следующего заседания военных миссий адъютант Ворошилова передал ему «знаменитую» записку Поскребышева (помощник Сталина): «Клим, Коба (кличка Сталина) сказал, чтобы ты сворачивал шарманку». 21 августа 1939 года переговоры с Великобританией и Францией прекратились, а через день, т. е. 23 августа уже был подписан роковой пакт Молотова-Риббентропа и приложенный к нему секретный Протокол по разделу сфер влияния.

Советское правительство на протяжении многих лет отрицало существование тайного сговора между СССР и Германией о разделе Польши. И только во время «Перестройки» этот документ, как и указанная выше записка Поскребышева, стали достоянием гласности.

Я уже писал о том, как оба диктатора по-разному оценивали политический союз между Германией и СССР (см. «Неудобная история», 2009). Накануне подписания пакта Молотова-Риббентропа Гитлер заявил: «По всей вероятности мне не избежать альянса с Россией. Я буду придерживать это как мою последнюю козырную карту. Возможно, это будет величайшей игрой в моей жизни. Но ничто не удержит меня от изменения курса и нападения на Россию после достижения моих целей на Западе». Сталин в свою очередь в беседе с Димитровым 7 сентября 1939 г., довольный началом развивающихся событий и объявлением Францией и Англией войны Германии, отметил: «Гитлер, не предполагая и не желая того, ослабит и подорвет капиталистическую систему. Мы можем маневрировать, сталкивать одну сторону с другой, так чтобы они сцепились в хорошей драке и лупили друг друга как можно лучше». Вот вам, уважаемый читатель, и знаменитый «Ледокол революции», который по замыслу Сталина должен был превратить «империалистическую войну в войну революционную». Но история распорядилась иначе, и два тоталитарных государства вскоре сцепились в смертельной схватке и стали нещадно сами «лупить» друг друга. А развязанная авантюрной «игрой» этих диктаторов война явилась большой трагедией в первую очередь для польского и еврейского народов, а потом и для советского народа. Но вернемся к тревожным событиям конца августа 1939 года.

Телеграмма Гитлера Сталину. Москва заранее дала понять Гитлеру, что шансы у нее на заключение договора с Францией и Англией не реальны. 19 августа 1939 г. после длительных пере-

говоров, закончившихся успешно, в Берлине подписано Торгово-Кредитное соглашение между СССР и Германией на сумму 200 миллионов немецких марок сроком на 7 лет. Это была только внешняя сторона начавшегося давно преступного сговора по разделу мира между этими странами. Гитлер не забыл ту огромную услугу, которую оказал ему Сталин, запретивший через Коминтерн союз немецких коммунистов с социал-демократами, что позволило ему в 1933 году легитимно прийти к власти. 20 августа 1939 г. он направил через свое посольство следующую телеграмму: «Господину Сталину, Москва. 1. Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первую ступень перестройки германо-советских отношений. 2. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации Имперское правительство решило действовать в полном соответствии с таким далеко идущими изменениями. 3. Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне Ваш Министр иностранных дел господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно более скорое выяснение связанных с этим вопросов. 4. Я убежден, что дополнительный протокол, желаемый советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. В противном случае Имперское правительство не представляет, как дополнительный протокол может быть выработан и согласован в короткое время. 5. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день. Перед лицом такой вероятности Германия в любом случае намерена защищать интересы государства всеми имеющимися в ее распоряжении

средствами. 6. По моему мнению, желательно, ввиду намерений обеих стран, не теряя времени, вступить в новую фазу отношений друг с другом. Поэтому я еще раз предлагаю принять моего Министра иностранных дел во вторник 22 августа, или самое позднее в среду, 23 августа. Имперский Министр иностранных дел имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола. Принимая во внимание международную ситуацию, Имперский Министр иностранных дел не сможет остаться в Москве более чем на один-два дня. Я буду рад получить скорый Ваш ответ. Адольф Гитлер».

Ответная телеграмма Сталина. 21 августа 1939 г. «Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру. Я благодарю Вас за письмо. Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами. Народам наших стран нужны мирные отношения друг с другом. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении создает фундамент для ликвидации политической напряженности и для установления мира и сотрудничества между нашими странами. Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа. И. Сталин».

До получения этой телеграммы командование немецких войск, подготовленных для вторжения в Польшу, находилось в сложной ситуации. Гитлер не решался на эту авантюру, не заручившись поддержкой Сталина. Да и сам он пребывал в тревожном состоянии, ожидая решения «кремлевского горца». Поэтому, отправляя в Москву своего министра иностранных дел, он дал ему наказ: соглашаться со всеми предложениями советской стороны по разделу сфер влияния, вплоть до признания права СССР на черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, если того потребует Сталин. Кремлевские сидельцы не знали о таком наказе

и не включили черноморские проливы в сферу своего влияния. Они не включили в свои требования и Южную Буковину, о которой вспомнили в 1940 году. Но уже было поздно, и Гитлер не позволил им оккупировать еще одну часть румынской территории. Марк Солонин, на которого я ссылаюсь в других книгах, описывая неудавшийся визит товарища Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., так прокомментировал тогдашние события: «В августе 1939 г. Сталин мог погубить или помиловать Гитлера, а в ноябре 1940 г. уже Гитлер решал, что дозволяется советской стороне по пакту Молотова-Риббентропа». Так он отказал советам в праве на повторное вторжение Красной армии на территорию Финляндии, заявив Молотову, что «Германия не допустит новой войны в бассейне Балтийского моря» и советский нарком, несолоно хлебавши, покинул Берлин. Успешно разгромив Францию и английский экспедиционный корпус, Гитлер поменял тон переговоров и довольно бесцеремонно отнесся к указанному визиту Молотова. Марк Солонин по этому поводу заметил, что «конфетно-букетный период во взаимоотношениях Москвы и Берлина к ноябрю 1940 г. закончился». Но вернемся снова к событиям августа-сентября 1939 г.

Читатель, наверно, обратил внимание, что в ответной телеграмме Сталин скромно умалчивает о «дополнительном Протоколе», который фактически являлся основным документом германо-советского договора (точнее – сговора). В соответствии с этим Протоколом после раздела Польши вскоре последовала советская оккупация Бессарабии, Литвы, Латвии, Эстонии и вторжение Красной армии на территорию Финляндии. За это вторжение советские войска поплатились огромными потерями в живой силе и технике. Константин Симонов писал: «Финская война была для нас большим срамом и создала о нашей армии глубоко неблагоприятные впечатления за рубежом, да и внутри страны». Бессмысленная и позорная война с Финляндией подорвала международный авторитет Советского Союза, выявила низкую боеспособность Красной

армии и побудила Гитлера приступить к разработке плана «Барбаросса».

Я уже писал о том, какое жалкое зрелище представляла собой Красная армия, вступившая на землю Западной Беларуси и Украины. Тощие колхозные лошадки, мобилизованные для «освободительного похода», с трудом тащили пушки. К хвосту каждой лошади была прикреплена медной проволокой фанерная дощечка с указанием, из какого колхоза ее «мобилизовали». А следом шли, понурив головы, такие же худые в обмотках красноармейцы, которым изредка удавалось заскочить в деревенские хаты и попросить кусочек сала и хлеба. Они-то и стали говорить: «Вот вы нас (Красную армию) встречаете с цветами, но вы нас еще узнаете». А тем временем, нарядившись в свои лучшие одежды (хотя все жили небогато), толпа деревенской молодежи, женщин и мужчин высыпала к торжественным воротам встречать Красную армию. Комиссары, расцеловавшись с мужиками, поздравили тех с «освобождением от польского ига». Но настроение у моих сельчан уже было нерадостное. Ничто их так не расстроило, как эти тощие лошадки с фанерными дощечками – наглядное свидетельство колхозной нищеты. Еще двигались военные колонны, а они обступили моего отца и стали упрекать его за лживые листовки Коминтерна, которые он распространял, о «счастливой жизни в советских колхозах». Он и сам оказался обманутым. Видя его хмурое лицо, я не стал упоминать о том, как он недавно ругал меня за куплет польской песенки: «Choć będziemy głodni jak ci bolszewicy, nie dopuścim niemca do polskiej granicy…». В этой песенке справедливой оказалась только первая часть куплета. Большевики, действительно, явились голодными. Но с помощью этих «голодных» большевиков немец не только перешагнул польскую границу, но и стал на практике в широких масштабах осуществлять (проводить в жизнь) свою расовую теорию и для этого использовал в первую очередь территорию Польши для строительства концлагерей.

25 сентября 1939 г. отгремели фанфары позорного парада советских и немецких войск в городах Бресте и Пинске. (На проведении этого парада настоял сам товарищ Сталин, так ему не терпелось скорее отомстить полякам за разгром Красной армии в 1920 году под Варшавой и унизить национальный дух польского народа). Спустя нескольких дней торжественным маршем по улицам Варшавы прошагали отборные части вермахта. Гитлер и его генералы поздравили своих вояк с первой «победой» начавшейся II мировой войны. А имперский министр пропаганды, Геббельс, в своем обращении по радио к немецкому народу заявил тогда, что «поляки в прошлом (XIX) веке сопротивлялись германизации. И это хорошо! Иначе мы бы имели теперь проблемы с чистотой нашей нордической расы». Вскоре на скамейках в парках Варшавы появились унизительные надписи: «Fur Juden und Polen sitzen ist verboten».

Еще раз о IV разделе Польши. Оба диктатора (Гитлер – лично, а Сталин через своего наркома иностранных дел) объявили, что Польша, как искусственное порождение Версальского договора, перестала существовать. О польской трагедии 1939 года написано много книг. О предательском поведении Советского Союза в этой трагедии мною также сообщено в ряде глав предыдущих книг («Записки западного белоруса, 2007). До войны в Польше, как уже отмечалось, проживало более 3,5 миллиона евреев, в том числе около 350 тысяч в самой Варшаве. Г. Смоляр в своей книге «Мінскае гета» (2002) приводит пример, как с приходом советской власти в г. Белостоке (довольно крупном центре еврейской культуры) «пачаўся няўмольны працэс русіфікацыі ідышмоўных школ. Габрайская штодзённая газета на ідыш перетварылася ва ўлётку абавязковых аператыўных зводак у перакладзе з рускай. Стаў паступова задыхацца габрэйскі тэатр. І ўсё гэта суправаджалася штоночнымі пeратрусамі і арыштамі габраяў, у тым ліку нават ветэранаў падполля…». Далее автор пишет, что многих прежних

революционных и профсоюзных лидеров стали обвинять в «бундизме и троцкизме».

Но недолго тешились кремлевские сидельцы плодами своей преступной (и в корне неразумной) политики по отношению к Польше и странам Запада. Не прошло и двух лет после подписания пресловутого пакта Молотова-Риббентропа, как «Ледокол революции» повернул свои орудийные жерла в сторону самих стратегов по реализации ленинского плана «мировой революции». Такой разворот «ледокола» на 180 градусов от берегов Ламанша до берегов Буга ускорили сами кремлевские стратеги, накапливая на западной границе огромные контингенты войск, военной техники и строя в приграничном районе в ускоренном темпе большое число аэродромов. Так, например, в нашей местности от Пинска до Бреста их было пять, в том числе один большой в соседнем районе для бомбардировочной авиации. И наряду с этим полная беспечность и задабривание Гитлера обильными поставками советского зерна, нефти и других стратегических материалов. А где же хваленая советская военная разведка? Неужели все ее донесения отскакивали от диктаторской головы кремлевского вождя? «Диктаторы не всегда умны» – ответил на этот вопрос в своих мемуарах Уинстон Черчилль.

Разгром Красной армии

Картина панического бегства остатков этой армии из-под Бреста останется навсегда в моей памяти. Немецкие самолеты, строча из пулеметов на бреющем полете, охотились за каждой группой советских солдат, сея страх и панику. А в ясном июньском небе ни одного советского сокола. Вот как вспоминает тогдашнюю военную обстановку Г. Смоляр: «Ад Беластока да Менска крыху больш за 400 кілометраў – гэта калі казаць пра нармальную дарогу. Але не было ужо нармальнай дарогі для гэтых гаротнікаў, якія уцякалі

на ўсход – у паніцы, пехатою, у надзеі схавацца ад усюдыіснага ворага. Разбітыя грузавікі, знявечаныя гарматы і пакурочаныя кулямёты літаральна загрувашчвалі шашу. Час ад часу над усім гэтым зграмаджэннем здратаванай тэхнікі крумкачамі кружылі самалёты з нацыскімі эмблемамі. Яны апускаліся гэтак нізка, што мы маглі нават бачыць здзеклівыя, пагардлівыя твары паветраных фашыстаў-нелюдзяў. Быццам забаўляючыся, яны адзін за другім рабілі над шашою кругі, раз-пораз пускаючы кулямётныя чэргі ў шэрагі й купкі й без таго ахопленых жахам людзей… Людзі стараліся выбіраць менш прыкметныя селавыя дарогі, нярэдка проста збіваліся з бальшака. Зредзь час і ненадоўга маглі натрапіць на групу заблуканых савецкіх афіцэраў, і тыя тады ўжо спадзяваліся даведацца ад мяне, тутэйшага, як дабрацца да пэўнага пункта ў горадзе. Вайсковыя мапы, якія ўсе яны мелі пры сабе, не дапамагалі. Нервова бегаючы па мапах пальцамі і ўрэшце трацячы цярпенне, афіцэры запіхвалі іх назад у свае новыя скураныя сумкі і толькі ціха сабе мармыталі: «Адзін чорт ведае, дзе знаходзіцца гэтае месца!» Мапы былі падрыхтаваныя савецкім генеральным штабам, але тут, на адваротным шляху на ўсход, якім змушаныя былі брысці цяпер гэтыя афіцэры, яны сталі цяпер проста непатрэбнымі. Усе іх пазнакі, звычайныя і сакрэтныя вайскавыя, мелі на ўвазе адзін кірунак – ва Ўсходнюю Прусію, адпаведна з сталінскімі запэўніваннямі, што вайна будзе весціся толькі на варожай тэрыторыі».

Я привел эти данные более взрослого человека на тот час и опытного журналиста, чтобы еще раз указать на бесконечную брехню, не только советских, но и нынешних российских (и не только) политиков «о внезапном нападении Германии на нашу страну». Какая ж это внезапность, если Красная армия сама готовилась к такому нападению? Поэтому в офицерских сумках были карты не Беларуси, а Восточной Пруссии. Не любят вспоминать об этих трагических днях июня 1941 года советские маршалы и генералы в своих послевоенных мемуарах. Осознал ли в тот момент товарищ Сталин, что заключенный им «Со-

ветско-германский Договор о ненападении» и прихваченные по этому договору территории Польши, Румынии и прибалтийских стран стали ловушкой для Красной армии, которая в считанные недели была разгромлена вермахтом и отброшена на сотни километров на восток, потеряв все свои танки, самолеты и другую военную технику?

Окончательное решение еврейского вопроса

К созданию еврейских гетто немецкая администрация приступила только в октябре 1940 года, т. е. через год после оккупации Польши. До этого времени у немцев не существовало плана окончательного решения еврейского вопроса и предполагалось решить эту проблему путем переселения польских евреев в Советский Союз и, возможно, в другие страны. При написании этой части главы сошлюсь на данные, полученные из польских источников (Н. Девис: «Восстание – 44» и др.) и из указанной выше книги Г. Смоляра. Начнем с того, что 31 июля 1941 года Герман Геринг подписал приказ о назначении главы РСХА (Служба безопасности) Рейнхарда Гейдриха ответственным за окончательное решение еврейского вопроса. Это решение не афишировалось, и мало кто мог поверить, что в XX веке такое возможно. Евреев Германии, Франции, Голландии, Бельгии посылали на восток в лагеря Польши и Беларуси, рассказывая им о временности такого переселения. В Польше создавались лагеря смерти, которые не были рассчитаны на проживание большого количества людей – только на быстрое уничтожение новоприбывших. Места для строительства первых из них (Хелмно и Бельжец) были выбраны еще в октябре 1941 г. Уничтожение евреев Польши получило название «операция Рейнхард» – в честь убитого в мае 1942 г. в Праге Рейнхарда Гейдриха.

В начале декабря 1941 г. начал действовать первый лагерь смерти в Хелмно. Там евреев убивали выхлопными газами в за-

крытых грузовиках – «душегубках». В середине октября 1941 г. началась депортация евреев из Германии в гетто Польши, Прибалтики и Беларуси. Нацисты не осмелились уничтожать немецких и других евреев из западных стран на местах, а увозили их на восток. В июле 1942 г. начались массовые депортации из гетто Варшавы, самого крупного из всех созданных, в лагерь смерти Тремблинка. До 13 сентября 1942 г. были депортированы или погибли в гетто 300 тысяч евреев Варшавы. В гетто города Лодзь содержалось до 160 тысяч евреев. Это гетто уничтожалось постепенно: первая волна депортаций в Хелмно происходила между январем и маем 1942 г., затем последовал ряд депортаций в другие лагеря и к 1 сентября 1944 г. оно было окончательно ликвидировано. Еврейское население Люблина было отправлено в лагерь уничтожения Бельжец. В Люблин прибывали также поезда с жертвами из Львова и других городов Западной Украины. Большинство евреев Кракова, Радома, Кельце, Ченстоховы и других городов Восточной Польши было отправлено в Тремблинку.

В 1942 г. было уничтожено большинство евреев Восточной и Центральной Европы и значительная часть евреев Западной Европы. Успешное наступление советской армии на ряде фронтов в 1943 г., изменение ситуации после Сталинградской битвы и поражение Роммеля под Эль-Аламейном повлекли за собой ускорение темпов расправы нацистов над евреями. Поспешно были ликвидированы почти все гетто и лагеря на территории Польши, Украины, Беларуси, Латвии и Литвы. Началась массовая отправка еврейского населения из Италии, Норвегии, Франции, Бельгии, Словакии и Греции в Освенцим, продолжавшаяся до октября 1944 г. К уничтожению евреев Венгрии приступили уже после того, как советские войска завладели восточными областями этой страны.

На последнем этапе войны, когда неизбежность поражения Германии уже не вызывала сомнений, некоторые нацистские руководители пытались использовать евреев для установления связи

с союзниками, в то время как другие, и прежде всего Гитлер, продолжали требовать тотального уничтожения тех, кто еще оставался в живых. Штандартенфюрер СС Дитер Вислицени на Нюрнбергском процессе утверждал, что в конце февраля 1945 года Адольф Эйхман назвал ему число убитых евреев около 5 млн человек.

Поляки. Гитлеровцы не без основания считали поляков идеологически опасными. Такого массового и организованного сопротивления оккупантам не было ни в одной стране Европы. Советская пропаганда из-за враждебного отношения к АК умаляла масштабы этого сопротивления. Многие тысячи интеллигентов и католических священников стали жертвами операции «Танненберг». По данным Музея Холокоста (США) с 1939 по 1945 год не менее 1,5 миллионов польских граждан были депортированы в Германию на принудительные работы или заключены в концлагеря. По некоторым оценкам, во время II мировой войны гитлеровцы убили не менее 1,9 миллиона поляков нееврейского происхождения. По данным других авторов эта цифра составляет около 2,4 миллиона погибших поляков. Напомним, что еще около 1,5 миллионов поляков было расстреляно или погибло от холода и голода в концлагерях Советского Союза.

Холокост и коллаборационизм. Роль местного нееврейского населения в процессе холокоста была неоднозначной. Тысячи местных жителей служили в полиции, созданной оккупантами, которая принимала участие в охране гетто, конвоировании евреев к месту убийств и в самих убийствах. Местная полиция отправляла евреев в лагеря смерти с территорий Франции, Словакии, Венгрии. Многие местные жители доносили оккупантам на скрывающихся евреев или присваивали себе имущество убитых. Были случаи, когда местные жители сами расправлялись с евреями, без непосредственного участия оккупантов. Такую расправу, например, чинили усташи в Хорватии. В то же время немало местных жителей неевреев спасали евреев, рискуя свободой и жизнью.

Еврейское гетто Лодзи

Немецкие солдаты и жители польского города
Томашов-Мазовецкий состригают еврею борожу

Польских евреев переселяют в гетто

Проверка документов и обыск

Варшавское гетто – май 1943 года

Войска СС проходят по еврейскому кварталу

Лагерь смерти Аушвиц-Биркенау - 1944 год

Варшавское восстание 1 августа 1944 года

Причины Холокоста

Ученые высказывают разные мнения, почему такое масштабное и беспрецедентное уничтожение людей вообще стало возможным. Особенно много вопросов возникает в связи с участием в этом процессе миллионов немецких граждан. Даниэль Гольхазен в своей докторской диссертации на эту тему «Добровольные палачи Гитлера» (Hitlers Willing Executioners) утверждает, что главная причина Холокоста – антисемитизм, свойственный на тот момент немецкому массовому сознанию. Такого же мнения придерживается один из ведущих специалистов по холокосту Иегуда Бауэр. Однако другой известнейший историк холокоста Рауль Хильберг полагает, что проблема не в антисемитизме. Немецкий историк и журналист Гёц Али утверждает, что поддержку политики геноцида нацисты получили в результате того, что отнятое у жертв преследования имущество было присвоено рядовыми немцами. Немецкий психолог Эрих Фромм объяснял холокост присущей всему биологическому роду человека злокачественной деструктивностью. Но все эти теории, на наш взгляд, не дают ответа на коренной вопрос об истоках самого антисемитизма, который в свою очередь, действительно, стал главной причиной Холокоста. В указанной выше докторской диссертации Даниэля Гольхазена не раскрыты причины антисемитизма, «свойственного на тот момент немецкому массовому сознанию». Нельзя согласиться и с теорией Зигмунда Фрейда, который возникновение антисемитизма рассматривает с позиций «комплекса кастрации» (подробнее см. в нашей кн. «Забытые уроки истории», 2010).

Наша справка. Мы уже писали о том, что по «масштабному и беспрецедентному уничтожению людей» Гитлер по сравнению со Сталиным выглядит лилипутом. И, как образно выразился Ж. Желев, в своей книге «Фашизм»: «Палач Сталин мог бы носить своего коллегу в кармане». Бедственное положение в советской России, большевистский красный террор с участием в нем еврейского

элемента и обнищание населения Гитлер использовал как пугало в своих демагогических речах. И. Фест, на которого я ссылаюсь в других книгах, пишет: «Делая еврея виновником за все, универсальным врагом, Гитлер, похоже, никогда не упускал из виду технико-пропагандистский аспект своего антисемитизма. «Если бы еврея не было, заметил он как-то, нам следовало бы его выдумать. Нужен зримый враг, а не кто-то абстрактный». Мы с вами, уважаемый читатель, знаем, что оба диктатора в своих политических и пропагандистских целях на полную катушку использовали образ «зримого врага»: один классового, а второй расового.

Отрицание Холокоста. Существует точка зрения, согласно которой Холокост как явление не существовал в том виде, в каком его описывает общепринятая историография. Отрицатели Холокоста выдвигают тезисы о массовых подделках, масштабных фальсификациях и сокрытии фактов в пользу евреев. Они оспаривают следующие положения:

– массовая гибель евреев была результатом целенаправленной политики официальных властей Третьего рейха;

– для массового уничтожения евреев были созданы и использовались газовые камеры и лагеря смерти;

– число жертв среди еврейского населения на территориях, подконтрольных национал-социалистам и их союзникам, достигает от 5 до 6 миллионов человек.

Большинство профессиональных историков характеризует отрицание Холокоста как ненаучную и пропагандистскую деятельность. Они отмечают, что отрицатели игнорируют научные методы исследований, а также часто используют антисемитские и неонацистские взгляды. 26 января 2007 года накануне Международного дня памяти жертв Холокоста Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию № 61/255, осуждающую отрицание Холокоста как исторического факта. В ряде стран публичное отрицание Холокоста является противозаконным.

Подобная картина складывается с отрицанием Холокоста украинского народа. Напомним, что спланированный Кремлем рукотворный голодомор в самой Украине и уничтожение украинского этноса на юге России (Кубань, Ставрополье), в том числе и массовый расстрел большевиками казачества в период Гражданской войны не признается геноцидом современными российскими политиками. Странная позиция этих политиков, ставших в позу отрицателей сталинского и в целом большевистского террора. Ведь терроризировать народ можно не только расстрелами и газовыми камерами, но и голодом и холодом. Так Франтишек Алехнович в своей книге «В когтях ГПУ» пишет: «Основную массу заключенных на Соловках составляли украинские крестьяне». Не по этой ли причине, в какой-то мере, известный политолог Александр Рар замечает: «Западу кажется, что недемократическая Россия может вновь стать врагом» (АиФ № 44, 2012).

Замалчивание Холокоста в СССР

Сталинский режим, совершивший массовый геноцид собственного народа, неохотно касался темы Холокоста. Заключив пакт Молотова-Риббентропа, Советский Союз и его пропагандистский аппарат ни словом не обмолвились о начавшемся преследовании польских евреев (и самих поляков) в немецкой зоне оккупации. А как же могло быть иначе, если многочисленный «десант» советских агитаторов на территории Западной Беларуси на собраниях и митингах, которые я часто посещал в г. Пинске, называл немцев «братьями по оружию», а поляков «белополяками», т. е. врагами советской власти. Победная эйфория быстро улетучилась после неудавшейся попытки Красной армии оккупировать Финляндию. Уже в начале 1940 г. те же агитаторы стали указывать на немцев, как на тайных пособников финнов. Г. Смоляр пишет: «Маўчанне савецкага прапагандысц-

кага апарата пра гітлераўскі тэрор у Германіі і акупаваных краінах Заходняй і Ўсходняй Еўропы усыпляла пільнасць габраяў, многія з якіх, асабліва габраі старэйшых пакаленняў, меркавалі, што “гэта тыя ж самыя немцы”, якія акупавалі Менск под час Першай сусветнай вайны, і што можна будзе неяк “паладзіць з імі”. У першыя дні гэта мне даводзілася чуць ад многіх гэтаўцаў, што тэрор у Менску – часовы і што прычына ўсіх нашых нягодаў – неабмежаваная ўлада нямецкіх вайскоўцаў». Советские СМИ в послевоенные годы всех жертв холокоста на территории СССР относили к числу «погибших советских граждан от рук оккупантов». Но в том же Минском гетто было расстреляно также много немецких и других евреев, депортированных из западных стран. Принятое выражение «гамбургские евреи» объединяло всех этих людей, обреченных на гибель.

По данным Г. Смоляра около 10 тысячам евреев Минского гетто, включая женщин и детей, удалось уйти в лес и уцелеть. Вернувшись в разрушенный город, они столкнулись с массой бытовых и других проблем. Для их решения Г. Смоляр, как бывший комиссар партизанского отряда, попросил встречи с заведующим оргинструкторским отделом ЦК КП(б)Б тов. В. Закурдаевым. Вот как описывает эту встречу сам автор: «Чым больш я гаварыў пра сутнасць нашых праблемаў, тым усе больш відочнай рабілася “рэакцыя” загадчыка аддзела ЦК – ён проста мяне не слухаў. Ён нават не глядзеў у мой бок. Калі ж я скончыў, Закурдаев страпянуўся, прастрэліў мяне калючым позіркам і ў якасці адказу задаў мне пытанне, якім проста забіў мяне на месцы, я ледзь не грымнуўся з таго цэкоўскага крэсла. Пасля ўсяго, што я яму расказаў, ён запытаў мяне, і “пытанне” ягонае насамрэч была сцверджаннем: “З усіх народаў, нацыяльнасцяў і народнасцяў СССР – чаму нікога больш так ненавідзяць, як габраяў?” Этот вопрос цековского работника высого ранга я оставляю без комментариев.

Эпилог

Российские и некоторые другие фальсификаторы истории из бывших советских республик продолжают наводнять интернет пропагандистскими домыслами. Так некто В. Гулевич в статье «Геополитические нюансы пакта Молотова-Риббентропа и белорусский вопрос» (2011) пишет: «Перенесение советско-польской (?) границы дальше на запад увеличивало расстояние от неё до советской столицы…». И еще. «Получив Бессарабию, СССР, дескать, получил часть выступа, с территории которого вражеские войска в противном случае могли бы угрожать Киеву…». Автору этих измышлений невдомек, что именно в Бессарабском и Белостокском выступах, а также под Киевом попали в окружение и были пленены вермахтом миллионы советских солдат и офицеров. Такого разгрома нашей армии не помнит история Государства Российского.

В то же время следовало бы знать, что ни Польша, ни Румыния Советскому Союзу не угрожали. А вот после раздела Польши уже не стало безопасной советско-польской границы. Вместо нее появилась новая советско-немецкая граница. К чему это привело – известно всем. Два хищника с одинаковыми геополитическими замыслами двинули к новой границе свои войска, предназначенные для внезапного удара. Вот почему в планшетах советских офицеров, бежавших из Белостокского выступа, было в избытке карт Восточной Пруссии, но не оказалось карт Беларуси. Можно согласиться, что не только еврейский, но и белорусский (и не только) «вопросы» действительно возникли в связи с заключением пакта Молотова-Риббентропа. Но освещать эти «вопросы» следует объективно, не впадая в пропагандистский раж.

Холокост. Политические и философско-богословские сентенции

«Зачем ты носишься со своими отдельными еврейскими бедами? Я испытываю точно такую же жалость и к несчастным индейским жертвам в Путамайо, и к неграм Африки».
Роза Люксембург – своему другу

В основу данной главы легли выдержки из книги Джона Рота и Майкла Беренбаума «За гранью понимания. Богословы и философы о Холокосте» (2003) и наши замечания по поводу неоправданно подчеркнутой некоторыми историками «исключительности» данного преступления. Христианин из Клермонта (штат Калифорния) и иудей из Вашингтона, живущие в противоположных концах Америки, собрали значительный материал об известной Катастрофе XX века, постигшей европейское еврейство. В прологе к этой книге сказано: «Религиозные и философские размышления о Холокосте, намерение нацистов искоренить европейское еврейство, сломить и уничтожить миллионы других людей облекаются в форму вопросов. Эти вопросы вмурованы в историю, но никакой человеческий ум, никакая книга – возможно, даже Божия – не способны толком объяснить, каким образом (оставим в стороне вопрос «почему?») Холокост опалил землю. Это утверждение обусловлено отнюдь не отсутствием информации. Напротив, сегодня существует огромное множество документов о Холокосте. Как пишет Эли Визель (подробнее об этом авторе будет сказано ниже), «небо сплошь черное, затянуто именами». Это еще раз напоминает о том, как важно задавать правильные вопросы. Большинство обстоятельств Катастрофы европейского еврейства еще должны быть прояснены, и у истории Холокоста, возможно, не будет конца. И далее авторы подчеркивают, что «прологов к Холокосту хватает. Немало их в многовековом религиозном соперничестве между

христианами и евреями, в хитросплетениях социально-экономической истории, которые двигали европейскую политику накануне стремительного восхождения Адольфа Гитлера в январе 1933 г.».

В составлении указанной книги приняли участие 25 авторов. Мы укажем на Эмиля Факенхайма, который сам был узником концлагеря Заксенхаузен. Поэтому его труд «Исправить мир: основы будущего еврейской мысли» заслуживает особого внимания. В предисловии к нему автор говорит о «синдроме отрицания», который искушает интеллектуалов усомниться в уникальности Холокоста. «Трудно поверить, – допускает Факенхайм, – что это небывалое, катастрофическое событие могло произойти в наше время». Он выделяет ряд признаков, позволяющих отличить Холокост от предшествующих злодеяний. Прежде всего, беспрецедентны замысел и масштабы Холокоста. В годы Катастрофы была уничтожена треть евреев, и под угрозой оказалось само выживание еврейского народа. «Евреев убивали не за то, какими они были, а за то, что они были». Большинство ученых, чьи работы вошли в указанную книгу, согласны с Факенхаймом в том, что «Холокост – событие эпохальное, опыт, требующий пересмотра традиционного понимания Бога и истории».

Но никто из этих авторов не заходит так далеко, как Эли Визель, категорически отрицающий любое сравнение с Холокостом. По его мнению, любая аналогия с Холокостом – святотатство. Этот автор был также узником еще более страшного лагеря «Освенцим», куда его привезли, как он выражается, «из мира, наполненного Божьим присутствием, в кромешный ад, где нет ни людей, ни Бога». В своей книге «Ночь», за которую в 1968 г. он получил Нобелевскую премию мира, Эли Визель пишет о своей неспособности и невозможности согласовать мир еврейской традиции и опыт Освенцима. Его веру «безжалостно пожирало пламя, уносящее в небеса тела совсем юных и невинных». Он повествует о своем пути «от религиозного бунта к отвращению, а потом – к опустошенности, вызванной отсутствием Бога в истории и жизни самого автора, к пустоте, образовавшейся на месте Его былого присут-

ствия». Автор критикует документальный телесериал «Холокост», получивший широкую популярность: «Этот сериал показывает Холокост так, будто это было рядовое событие… Чем бы Холокост ни был – кульминацией истории, синкопой, отклонением от нее, он все равно выходит за ее рамки. Все, что с ним связано, вызывает ужас и наполняет отчаянием. Мертвые владеют тайной, которой мы, живые, недостойны и неспособны понять».

И Факенхайм, и Визель, как живые свидетели Катастрофы, пользуются огромным уважением, но их взгляды разделяют далеко не все историки. «Немало еврейских идеологов разного направления, пишут составители указанной книги, энергично опровергают их позицию; многие столь же различные по взглядам представители христианской и секулярной мысли считают их аргументацию узкой, уклончивой или ошибочной. И так как тема Холокоста рассматривается в школах и университетах, эта дискуссия приобретает политическую окраску, что создает межэтническую напряженность и способно привести к обострению скрытых конфликтов». Сами же авторы книги, Д. Рот и М. Беренбаум, тоже признают уникальность Холокоста.

Но так ли уж «исключительной» была эта Катастрофа, какой ее представляют эти и другие нижеупомянутые историки и публицисты? Согласно документам, захваченным в канцелярии Гиммлера, эсэсовцы фиксировали, что им удалось погубить аж 5 миллионов евреев. По данным других источников эта цифра составляет 6 миллионов. Но при этом не надо забывать, что больше, чем половину указанных жертв, то есть более 3 миллионов, составили польские евреи. На чьей совести лежит гибель польских евреев – отдельная тема, которую мы попытались осветить выше. Напомним только читателю, что у красных и коричневых палачей совести не было и в помине. А кто из них гаже? Этим вопросом задавалась в свое время известная российская журналистка Мариетта Чудакова, которая не без основания утверждала, что коммунизм и фашизм взаимно потенцировали друг друга самим фактом одновременного сосуществования.

Повешенные в Варшавском гетто

Парад Войск Польской Армии в день освобождения Варшавы

Группа евреев, освобожденных частями Красной Армии

Освобождение Освенцима, 1945 год

Еврейские дети, освобожденные из Освенцима

Похороны евреев, убитых во время погрома в Кельцах

Известная историк из Нью-Йорка Люси Давидович в своей книге «Холокост и историки» свое внимание сосредотачивает на намерениях нацистов: «Еврейский народ считался биологически – не религиозно – самым главным врагом немецкой нации; в физическом существовании евреев видели угрозу чистоте арийской расы. В отличие от славян, к которым относились, согласно нацистской политике, как к недочеловекам и превращали их в рабов, евреев считали недостойными жизни и исключали их из семьи народов». В этом автор видит историческую «исключительность» феномена Холокоста. «Убийство шести миллионов евреев, пишет Давидович, было не побочным продуктом войны, а, собственно, ее целью. Смерть евреев представляла насущную цель второй войны Гитлера, которая стала возможной благодаря другой его войне. Уничтожение евреев служило конечной целью национал-социалистическому государству». Казалось, дипломированному историку следовало бы знать, что эта «другая» война Гитлера в свою очередь стала возможной благодаря союзу Германии еще с одним социалистическим государством – Советской Россией, лидеры которой оказали Гитлеру как экономическую, так и политическую поддержку в ходе продвижения его на вершину власти. Стоит отметить, что довольно странным был этот союз национал-социалистов с интернационал-социалистами, который на практике представлял собой не что иное, как преступный сговор коммунистов с фашистами по разделу сфер влияния. И первой жертвой такого союза стала Польша с ее 3,5-миллионным еврейским населением. До раздела Польши в сентябре 1939 года и начала Второй мировой войны окончательного решения еврейской проблемы у нацистов не было. Была даже попытка немецкой стороны переселить всех польских евреев на территорию СССР, которая не увенчалась успехом по причине отказа советской стороны. Вот на такие важные исторические факты следовало бы обращать особое внимание любому ученому при исследовании проблемы Холокоста.

Но у Люси Давидович свой взгляд на эту проблему. Она критикует «универсализм» других историков, которые рассматривают

гибель евреев в контексте или совокупности общих потерь Второй мировой войны: «Зачем, дескать, спрашивают они, выделять евреев из общей статистики погибших во Второй мировой войне? Ведь понятно же, что нет ступеней страданий, поскольку все народы и нации понесли огромные человеческие потери. И, несомненно, акцентирование только убийства шести миллионов евреев было бы проявлением узости взгляда и местничества, ибо таким образом затемняется общечеловеческий статус страдания и смерти». Сама автор соглашается, «что, действительно, страшная статистика неисчислимых и неучтенных миллионов погибших во время прошедшей войны преисполняет нас уважительным молчанием в равной мере по отношению ко всем мертвым. И все-таки, интеллектуальная честность требует знания этой жуткой статистики. Сама по себе суммирующая строчка не передает в точности всей картины. Статистические данные могут пробудить историческое видение. Подсчитав всех погибших и учтя все обстоятельства их смерти, мы сможем лучше понять ход войны в целом и оценить важность той отдельной статистики шести миллионов убитых евреев».

Еще один видный историк Холокоста из Израиля, Иегуда Бауэр – редактор журнала «Исследования Холокоста и геноцида» – проводит грань между этими понятиями: Геноцид, убежден Бауэр, точнее всего можно определить как «спланированное уничтожение расовой, национальной или этнической группы как таковой», а это не одно и то же самое, что «спланированное физическое уничтожение по идеологическим или псевдорелигиозным причинам всех представителей национальной, этнической или расовой группы». Хотя для жертвы вряд ли будут утешением нюансы в мотивах, которыми руководствуются убийцы. Возможно, еврейские историки использовали термин «холокост» для обозначения «уникальности» данного преступления, при котором помимо обычных расстрелов нацисты использовали массовое сожжение жертв после удушения их в газовых камерах (греческое holos – всеобщий, caustos – сжигающий). Бауэр уточняет, что «среди всех случаев, в общем обозначаемых термином «геноцид», Холокост

выделяет его мотивация. Совершенно очевидно, что нацистская идеология видела в еврее недостойный звания человека антитезис того, что она считала человеческим идеалом: германского арийца. На противоположном полюсе она видела еврея – сатанинский элемент, к тому же паразитический – слабый и жалкий, но вместе с тем страшно могущественный и неотделимый от абсолютного зла. Еврей, хотя и имел вид человека, человеком не был. Он господствовал над большей частью мира, контролировал как капитализм, так и российский большевизм». По-видимому, эти определения (некоторые из них) автор черпал из книги Гитлера «Майн Кампф», так как нечто подобное, действительно, там можно прочесть: «Столетиями жила Россия за счет германского ядра своих высших руководящих слоев. Можно считать, что сегодня оно почти без остатка истреблено и уничтожено. На место немца пришел еврей. Насколько русскому невозможно собственными силами сбросить иго еврея, настолько же невозможно для еврея надолго удержать в своих руках могучую империю. Сам же он не является элементом организации, он есть фермент разложения. Гигантская империя на востоке созрела для крушения. И конец еврейского господства в России будет и концом России как государства. Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая явится подтверждением правильности расовой теории фёлькише». Не думаю, что Сталин и его окружение не читали этих строк в «Майн Кампф» и, тем не менее, пошли на союз с Гитлером, чтобы уничтожить в 1939 году славянское государство – Польшу.

Иегуда Бауэр также обходит молчанием главнейший исторический факт о причинах Второй мировой войны или искажает мотивацию ее развязывания, выдвигая на первый план стремление нацистов осуществить уничтожение европейских евреев с помощью войны. Он пишет: «Исключительность Холокоста состоит в тотальном характере его идеологии и в воплощении абстрактной идеи в спланированное, методично осуществляемое массовое убийство. Кроме того, Холокост был основным мотивом для развязывания полномасштабной войны, отнявшей за долгие шесть лет около

35 миллионов человеческих жизней. В этом заключается уникальность Холокоста». Этот израильский историк, изучивший уйму документов о прошедшей войне и Холокосте, не учитывает два важных момента. Он почему-то не осмеливается, возможно, по политическим соображениям, сказать, что в развязывании Второй мировой войны были заинтересованы в равной мере оба диктатора – Гитлер и Сталин. Но ведущим инициатором был Сталин, сорвавший летом 1939 г. переговоры с Францией и Англией по созданию антигитлеровской коалиции и предложивший немецкой стороне заключить пакт Молотова-Риббентропа и секретный Протокол по разделу сфер влияния, послужившие началом войны. Вот как оба диктатора оценивали сложившуюся тогда ситуацию. Накануне подписания указанного пакта Гитлер заявил: «По всей вероятности мне не избежать альянса с Россией. Я буду придерживать это, как последнюю мою козырную карту. Возможно, это будет величайшей игрой в моей жизни. Но ничто не удержит меня от изменения курса и нападения на Россию после достижения моих целей на Западе». Сталин в свою очередь в беседе с Димитровым 7 сентября 1939 г., довольный началом развивающихся событий и объявлением Францией и Англией войны Германии, отметил: «Гитлер, не предполагая и не желая того, ослабит и подорвет капиталистическую систему. Мы можем маневрировать, сталкивать одну сторону с другой так, чтобы они сцепились между собой в хорошей драке и лупили друг друга как можно лучше». Вот вам, уважаемый читатель, и знаменитый «Ледокол революции», который по замыслу товарища Сталина должен был превратить империалистическую войну в войну революционную. Но история распорядилась иначе, и оба тоталитарных государства вскоре сами сцепились в смертельной схватке и стали нещадно «лупить» друг друга. А развязанная авантюрной игрой этих диктаторов война явилась великой трагедией для польского и еврейского народов, а потом и для советского и немецкого народов.

Вторым важным моментом (или историческим фактом), на который не желают обращать внимание не только Бауэр, но и мно-

гие другие еврейские историки и идеологи сионизма, является преступное замалчивание Советским Союзом на протяжении почти двух лет злодеяний нацистов, творимых на территории самой Германии, и особенно Польши, а также в других странах Европы, угодивших в лапы нацистов при молчаливом согласии или даже публичной поддержке СССР. Так, например, после заключения пакта Молотова-Риббентропа на территории Советского Союза была строжайшим образом запрещена любая антигитлеровская и антифашистская пропаганда. Готовясь к союзу с Гитлером, Сталин распустил в 1938 г. польскую компартию, и ее филиалы: КПЗБ и КПЗУ, мощнейшие рупоры довоенной антигитлеровской пропаганды. А немецкие и австрийские коммунисты, нашедшие укрытие в СССР, были тут же переданы в руки гестапо. После захвата немцами Чехословакии МИД СССР тут же признал профашистское правительство Словакии и установил с ним дипломатические отношения. А с теми странами, которые были оккупированы немцами (Бельгия, Голландия, Дания, Норвегия и др.), Советский Союз тут же разрывал дипломатические отношения и изгонял из Москвы их посольства под строгим наблюдением немецкого посла Шуленбурга и генерала Кёстринга, военного атташе и его офицеров, кадровых разведчиков Генерального штаба вермахта, добывавших сведения о боеспособности Красной армии.

Собственные наблюдения. Известно, что после раздела Польши из 3,5 миллиона польских евреев около 2-х миллионов осталось в немецкой зоне оккупации, а 1,5 миллиона стали гражданами СССР (Западная Беларусь, Украина и Виленщина). Судьбы этих частей еврейской диаспоры сложились по-разному. Как указывалось выше, оставшиеся в зоне немецкой оккупации евреи сразу почувствовали на себе гнет расовой политики Гитлера, Впрочем, подобное унижение пришлось испытать и полякам. Уже весной 1940 года на скамейках в Лазенковском парке Варшавы появились таблички с надписью: «Fur Juden und Polen sitzen ist verboten» (евреям и полякам садится запрещено). Настроение и поведение

бывших польских евреев, ставших советскими гражданами, мне довелось наблюдать на примере города Пинска.

Поляки и евреи города Пинска. Указанные советские агитаторы, командиры и комиссары Красной армии в своих выступлениях без какого-либо стеснения всех поляков, независимо от их социального положения, обзывали «белополяками». Отношение к ним новых властей было явно враждебное. В ходу у этих агитаторов и военных было выражение: «Немцы наши братья по оружию, а поляки – враги». Правда, это продолжалось недолго. После неудачной войны с Финляндией немцев перестали величать братьями, но грубая антипольская агитация не прекращалась. Еврейское население Пинска (в основном плебс) дружно приветствовали Красную армию и активно включились в формирование местных властей. Как уже отмечалось выше, добрую половину состава милиции г. Пинска представляли евреи. Вскоре начались массовые аресты и депортация местного населения в Сибирь и на Соловки. (Жуткие сцены ночных арестов описаны мной в книге «Записки западного белоруса»). Органы НКВД для этих целей (конвоирования арестованных) широко привлекали местную милицию, которая, возможно, в начале и не предполагала, что ей придется исполнять эту гнусную акцию. Арестованные, особенно женщины, не зная истинных виновников их трагедии, проклинали конвоиров, часто в антисемитских выражениях. И в самом деле, вместо своих прямых обязанностей – обеспечение общественного порядка, борьбы с уголовными и хозяйственными преступлениями, административными правонарушениями эта милиция стала придатком советских карательных органов, что подрывало ее авторитет и вызывало неприязнь у местного населения. Вот что рассказывал мне житель г. Пинска, которого я курировал в 1948 году, будучи студентом фельдшерской школы: «После прихода советов я добровольно стал милиционером, надеясь выполнять то, что входило в обязанности прежней польской полиции – следить за общественным порядком. Вскоре нас заставили участвовать в арестах. Часто это

были знакомые семьи поляков или белорусов из города или окрестных сел. В морозную зиму 1939-40 гг. этих несчастных доставляли на станцию Пинск и загружали в холодные товарные вагоны. Я очень переживал из-за своего необдуманного поступка. Заболел, и с помощью знакомого врача постарался уйти из милиции. Это спасло мне жизнь, так как в 1941 г. немцы всех бывших милиционеров, которые не успели бежать на восток, тут же расстреляли».

Из польских источников мне известно, что отношение евреев к польскому подпольному движению – той же Армии Крайовой (АК) – существенно отличалось по обе стороны новой границы. Если в немецкой зоне оккупации евреи помогали этому движению и сами вступали в ряды АК, то на советской стороне, наоборот, они помогали органам НКВД выслеживать агентов АК (польских сержантов и офицеров). Евреи Пинска почему-то были твердо уверены в непобедимости Красной армии и испытали огромный шок, когда эта армия в короткий срок была разгромлена вермахтом, а ее остатки в панике бежали на восток в июне 1941 г. Советская власть на протяжении почти двух лет союзнических отношений с Германией обманывала всех нас, в том числе и еврейское население, замалчивая преступления нацистов. Евреи Пинска, Дрогичина и других известных мне ближайших городов и поселков, как и все евреи СССР, имели смутное представление о том, что творилось в соседней Германии, и не были готовы оказать противнику достойное сопротивление.

Уникальность Холокоста? Иегуда Бауэр пишет: «Некоторые историки опровергают это утверждение, доказывая, что в намерения нацистов входило уничтожение всех представителей определенных славянских народов, в частности, чехов и поляков. Однако это не соответствует действительности… Относительно славянских народов свидетельствуют документы, что нацисты намеревались уничтожить их руководство, депортировать часть населения и поработить оставшихся. Никогда не существовал план массового физического уничтожения какой-либо из этих наций. Утверждение, будто политика нацистов неминуемо должна была провести к такому полному

уничтожению, не имеет под собой фактического основания и в лучшем случае может считаться гипотезой. Это было бы, помимо прочего, и не логично, поскольку Третий рейх нуждался в миллионах подневольных работяг, и, как свидетельствует ход событий, политика нацистов предусматривала превращение славянских народов в вечных илотов, которые бы рабски прислуживали своим немецким хозяевам». С этим утверждением историка Бауэра можно согласиться лишь частично. Действительно, окончательного решения славянской проблемы еще не существовало, как не существовало до конца 1940 года и решения еврейской проблемы. А «депортировать часть славянского населения» вовсе не означало сохранить ей жизнь. Немцы, как известно, не решались уничтожать своих евреев у себя на родине (на территории Германии), а депортировали их в лагеря оккупированной Польши. А Гамбургских евреев, например, привезли даже в Минск, и те искренне верили, что их переселение временное, связанное с военными обстоятельствами. Мой коллега по работе Александр Зубрицкий, 12-летним парнем живший вблизи гетто, рассказывал мне, что Гамбургских евреев поселили в лучшие квартиры, отдельно от остальных жителей гетто. А гауляйтер Беларуси Кубе немецким евреям-ветеранам Первой мировой войны предоставил работу и назначил дополнительные пайки.

Нацисты, как и коммунисты, были превосходными мастерами обмана. Вспомним, как советские чекисты сумели даже Максима Горького провести, убеждая, что заключенные лагерей живут вполне удовлетворительно и подвергаются лишь «трудовому перевоспитанию». О таком «перевоспитании» твердили и нацисты. Не зря же на въездных воротах Освенцима и других немецких концлагерей красовались большие обманные вывески с надписью: «Arbeit macht frei!» А нынешние российские коммунисты до сих пор утверждают, что массовой гибели заключенных в советских лагерях не было. Они лишь отбывали там трудовую повинность. Только вот, непонятно, откуда появилось в советском лексиконе выражение «стереть кого-то в лагерную пыль». Массовые захоронения на просторах обширного ар-

хипелага ГУЛАГ пока недоступны для отечественных и зарубежных исследователей этой трагедии. А ведь это миллионы, десятки миллионов погибших от жутких, нечеловеческих условий, холода и голода. Москва предпочитает не обсуждать эту тему. Мы только из книги нашего земляка Франтишека Алехновича «В когтях ГПУ» узнаем, что основную массу заключенных Соловецких лагерей составляли украинские крестьяне. Поэтому довольно цинично звучат слова нынешнего российского министра иностранных дел господина Лаврова, требующего создать международную комиссию по расследованию захоронений в Донецкой области, где якобы покоятся жертвы преступлений именно украинской армии, а не пророссийских боевиков.

Религия и Холокост. Авторы указанной выше книги справедливо замечают, что «религия всегда играла важную роль в истории. Христианство вышло из лона иудаизма. Поскольку религии связаны с пограничными моментами бытия и, ввиду этого, в значительной степени переполнены эмоциями, существование напряженности между различными конфессиями не вызывает удивления. Если на это накладываются еще и взаимоотношения двух вер, из которых одна отпочковалась от другой, – но так и смогла полностью ни вобрать, ни отбросить предшественницу ни территориально, ни духовно – противостояние неизбежно. Еврейская элита не встречала ранних христиан с распростертыми объятиями. Враждебность между евреями и христианами, уходящая своими корнями в контекст того времени, продолжала в определенной степени окрашивать их взаимоотношения и гораздо позднее, когда христианство перестало восприниматься как оппозиционная еврейская секта и даже после того, как оно достигло культурного господства на Западе. Точно также Новый завет, хотя и настаивает на любви к ближнему, содержит элементы, которые благоприятствуют «доктрине презрения». Это учение пренебрежительно изображает иудаизм времен Иисуса как нечто выродившееся. Более того, оно утверждает, что евреи несут коллективную ответственность за убийство Иисуса Христа, то есть, богоубийство. Следовательно, что рассеяние евреев с территории

Израиля после иудейско-римской войны (66 – 70 гг.), – а возможно и все последующие бедствия – это кара Божия за распятие Иисуса.

Эти богословские сентенции авторов на тему предполагаемого превращения антисемитизма в Холокост, на наш взгляд, сильно преувеличены. Возможно, религия играла какую-то, весьма скромную роль в подпитывании длившегося веками тлеющего антисемитизма, но не в формировании расовой теории Гитлера. Более значимым нам представляется замечание публициста и писателя Э. Тополя, обращенное к российским олигархам-евреям: «Знаете, когда в Германии все немецкие деньги оказались в руках еврейских банкиров, думавших лишь в приумножении своих богатств и власти, там появился Гитлер. Новые же русские чернорубашечники и фашисты всходят при вас сегодня на тучной ниве российской беды («АиФ», 1998, 12 сент.). Из этого замечания стоит сделать вывод: Гитлер пришел к власти на волне известной «немецкой беды» – тяжелейшего политического и экономического кризиса конца 20-х и начала 30-х годов прошлого столетия. Коммунистическая партия Германии после Первой мировой войны стала одной из сильнейших в Западной Европе. Но ее авторитет начал таять после того, как руководители немецкого рабочего движения стали ближе знакомиться с советской действительностью. А эта действительность оказалась далеко непривлекательной, если не сказать пугающей. И Гитлер бедственное положение в советской России, большевистский красный террор и обнищание населения использовал в качестве пугала. Немецкий историк И. Фест пишет: «Делая еврея виновником за все (в том числе и за большевизацию России), универсальным врагом, Гитлер, похоже, никогда не упускал из виду технико-пропагандистский аспект своего антисемитизма. Если бы еврея не было, заметил он как-то, нам следовало бы его выдумать. Нужен зримый враг, а не кто-то абстрактный». К тому же этот «зримый враг» владел значительной долей немецкого капитала и стал подходящим объектом для нападения и ограбления.

«Niech swiat nie zapomina że Jezus był żydem» (пусть мир не забывает о том, что Иисус был евреем). Эти заглавные слова жирным

шрифтом я прочел в польской профашистской газете в конце октября 1941 года. Ровно год тому назад было создано варшавское гетто. До этого времени, т. е. в течение года после оккупации Польши, у нацистов не было плана конкретного решения проблемы польских евреев. Попытка передать их Советскому Союзу не увенчалась успехом. Авторы указанной выше книги по этому поводу пишут: «Действительно, на протяжении года после начала войны нацисты еще допускали вынужденную эмиграцию. Однако подходящих способов для вывоза евреев с контролируемой Германией территории не оказалось. Один вариант был исчерпан, следующий был, как всегда, более радикальным: евреи подлежали уничтожению». Сказано несколько витиевато и осторожно, наверно по политическим соображениям. Но достоверно известно, что ни западные страны, ни Советский Союз, разделивший вместе с Германией Польшу и развязавший указанную войну, не совершили гуманного поступка и не пытались спасти польских и других евреев от неминуемой гибели. А ведь эти страны знали об истинных замыслах нацистов. И тут еще раз напрашивается мысль: если бы у евреев было тогда свое государство, то никакого Холокоста не было бы и в помине.

Но вернемся к данному подзаголовку. Почему нацисты в разгар войны с Советским Союзом и при начавшемся массовом уничтожении евреев решили напомнить христианскому миру о том, что создатель их религии был евреем? Никто из 25 авторов эссе, из которых составлена упомянутая книга, ни американский историк, профессор Гольдхаген, известный своими рассуждениями на тему Холокоста, не упоминают об этом изречении нацистов. Странно. Выходит, что этим историкам либо ничего не известно, либо им проще рассуждать на тему «христианского антисемитизма», чем углубляться в философские тайны идеологии национал-социализма. Правда, в прологе к своей книге Д. Рот и М. Беренбаум пишут: «Христианский антисемитизм и антиеврейский расизм тесно взаимосвязаны, но не тождественны друг другу. И только всего. Впрочем, многие еврейские историки, не говоря уже о широком

круге других представителей интеллигенции, страдают в этом вопросе странным недопониманием. Неужели им не известно (или они предпочитают об этом не вспоминать), что один из видных нацистских руководителей и идеологов нацизма Альфред Розенберг (1893–1946) в своей книге «Миф XX столетия» (1933) выдвинул идею избавления культуры «арийских» народов от чуждого расслабляющего духа античной философии и «иудейской» религии, к которой он причислял и христианство.

Антиеврейский расизм стал проявляться в Германии в 19 веке. И что же его питало? Прежде всего, философские и политические теории, утверждавшие, что культурное развитие и общественное поведение – хорошее или плохое – суть продукты физических особенностей (то есть «крови»), широко распространенное чаяние достижения национального единства – стремление стать народом, – разжигавшееся политическими силами, отстаивавшими тезис о том, что было бы социально нежелательно, если не биологически невозможно, чтобы евреи стали истинными немцами; и подозрение, что контролируемые экономические изменения – от периодических депрессий до промышленного роста, который не согласовывался со старыми методами хозяйствования, и урбанизации, которая подрывала традиционные ценности, – обуславливались еврейским либерализмом и еврейским капиталом».

Но мы хотим обратить внимание читателя на такой аспект. И коммунистический террор по классовому признаку и фашистский – по расовому не согласовывались с принципами христианской морали, построенной на любви к ближнему. Коммунисты пошли по упрощенной схеме – запретили религию и возвели в ранг государственной политики воинственный атеизм. Фашисты в долгосрочной перспективе планировали вернуться к верованиям древних ариев, у которых они для начала позаимствовали свастику в качестве своей государственной символики, чем, конечно, замарали этот древний знак плодородия. Тут мне вспомнился один эпизод. Во время научной конференции по вопросам гематологии и переливания крови в

Тбилиси в начале 70-х годов прошлого столетия наша группа научных работников посетила Гори. В историческом музее на полках стояли глиняные горшки, найденные при археологических раскопках, с изображением свастики. Кое-кто из нашей группы (а это люди с учеными званиями) был весьма удивлен увиденным, все еще считая свастику изобретением немецких фашистов.

Человек, который пытался остановить Холокост. В 2014 году исполнилось 100 лет со дня рождения Яна Карского – великого поляка, гражданина США, почетного гражданина Израиля.

Карский – знаковая фигура в истории польского антифашистского подполья и при ее описании мы воспользовались фрагментами из указанной книги, а также статьей из «НВ» № 77, 2014. Ян Карский (Козелевский) вырос в Лодзи, очень толерантном городе, где рядом жили поляки, евреи и немцы. Жители пользовались польским языком, а также немецким и идиш, а в официальных документах – русским. Без этого города, пишут некоторые авторы, наверное, не было бы сегодняшнего Карского. Он родился 24 апреля 1914 года, когда Польши еще не было на карте Европы. В 1935 году окончил Львовский университет и получил диплом магистра права и магистра дипломатических наук. В том же году, как представитель польской молодежи, Ян Козелевский поехал в Нюрнберг на Parteitag (День партии – НСДАП), где впервые лично столкнулся с нацистской пропагандой и присутствовал на встрече с Германом Герингом. Последний, как известно, перед войной сам несколько раз участвовал в неофициальных встречах с польскими лидерами во время охоты в Беловежской пуще и пытался склонить их на сторону Германии для совместной борьбы с коммунизмом.

Ян Карский хотел стать послом. В 1938 году он с отличием окончил курс дипломатической службы в Варшаве. В январе 1939 года стал секретарем Отдела эмиграционной политики в Консульском департаменте министерства иностранных дел, а затем секретарем Управления кадров МИД. 23 августа 1939 поручик Ян Козелевский получил тайный приказ о мобилизации. Он должен был прибыть в

распоряжение 5-го конного артиллерийского дивизиона в Освенциме, где через год немцы построили лагерь смерти Аушвиц-Биркенау. Ян Карский провел здесь последнюю мирную неделю. 1 сентября в 5 утра над Освенцимом пролетели немецкие бомбардировщики. Началась Вторая мировая война, изменившая весь мир. Польшу атаковали превосходящие силы немцев. Военное поражение польской армии было для молодого дипломата удручающим опытом. Он верил, что польская армия готова сражаться с немцами и в течение нескольких дней отбросит врага. Все было иначе. Поручик Козелевский со своим дивизионом отступил на восток.

17 сентября в Польшу вторглась советская армия. Польша оказалась в западне. В октябре 1939 г. советами было принято решение о передаче пленных из территорий, включенных в состав Третьего рейха, немецким военным властям. Однако они отпускали только рядовых. Карский прибегнул к уловке. Он назвался рабочим и был отправлен на немецкую территорию. Его поместили в лагерь для военнопленных, из которого он сбежал в Варшаву. Брат помог ему связаться с подпольем, по заданию которого он был отправлен во Львов, а затем поехал с первым заданием во Францию.

Ян Карский так описывает свое знакомство с одним из лидеров подполья: «Честность требует от меня сказать, что, если ты донесешь на нас или попробуешь сделать это, получишь пулю в лоб. Я понятно выражаюсь? – спросил он. Я почувствовал, как меня наполняет радость. Ведь именно этого момента я столько ждал. Цели. Чего-то, что вырвет меня из маразма и даст возможность действовать. Мне хотелось обнять его, но я решил показать, что я не какой-то там экзальтированный романтичный харцер (юношеская организация в довоенной Польше). Поэтому я ответил намного спокойнее, чем мне подсказывали с трудом сдерживаемые эмоции».

Одной из важнейших задач правительства Польши в эмиграции было создание польских вооруженных сил на Западе, однако с самого начала своей деятельности оно стремилось сформировать Польское подпольное государство в оккупированной стране. В фев-

рале 1942 г. Союз вооруженной борьбы был преобразован в Армию Крайову (АК). Ян Карский, владевший немецким, французским и английским языками, стал незаменимым курьером польского подполья. Во время очередной поездки во Францию в июне 1940 г. Карский попал в руки гестапо в Словакии. Немцы пытались побоями и пытками заставить его говорить. Карский боялся, что не выдержит очередного допроса и сломается, он был близок к самоубийству. Он вскрыл себе вены, но его спасли. Вскоре польское подполье организовало операцию по его спасению из больницы в г. Новы Сонч. Лишь спустя годы он узнал, что в подготовке его побега участвовало около 20 человек. В отместку немцы расстреляли почти 30 человек. Чтобы не выдать себя, Карский использовал разные псевдонимы. После побега и нескольких месяцев карантина Ян Карский вернулся к конспиративной работе – сначала в Кракове, а с осени 1941 г. в Варшаве – в главном штабе АК.

Очевидец Уничтожения. В последние дни августа 1942 г. Ян Карский (использовавший псевдоним Витольд) дважды встречался с представителем Бунда Леоном Файнером и делегатом сионистов Менахемом Киршенбаумом. Евреи хотели, чтобы курьер из оккупированной Польши передал их послание представителям польского правительства в изгнании и евреям на западе. Они убедили Карского своими глазами посмотреть на то, что немцы делают с евреями и как работает машина смерти, чтобы потом рассказать об этом как очевидец. Через несколько дней проводник отвез Карского в расположенный 250 км на юг от Варшавы, недалеко от Люблина перевалочный лагерь в Избице Любельской, откуда немцы вывозили евреев на смерть. Он вошел на территорию лагеря, переодевшись украинским охранником, и провел там несколько часов.

«Первые евреи ввалились в вагон. Немцы у входа отсчитывали. После числа “сто сорок” эсэсовец проревел “Halt” и дважды выстрелил. Все приостановились. Поезд медленно тронулся, и новый вагон взобрался на высоту помоста. Его начали заполнять новые заключенные. Согласно военному уставу товарный вагон

был рассчитан на восемь лошадей или сорок солдат с вещмешками. Заталкивали людей силой без какого-либо багажа, в вагоне можно было поместить сто человек. Немцы отдавали приказ остановиться после ста тридцати, но еще заталкивали дополнительный десяток. Если двери невозможно было закрыть, они без разбору били прикладами, стреляли внутрь вагона, орали на несчастных евреев. Те, чтобы освободить место, залезали на плечи и головы уже находящихся внутри. Из глубины вагона доносился какой-то исступленный рев и вой. Мы как раз проходили мимо какого-то старика. Он сидел на земле обнаженный и ритмично покачивался взад-вперед. Его глаза блестели, и он не переставая, моргал. Рядом лежал оборванный ребенок. Он бился в конвульсиях. С ужасом смотрел вокруг. Толпа пульсировала в каком-то сумасшедшем ритме. Все орали, размахивая руками, спорили и ругались. Видимо, они знали, что скоро отправятся в неизвестность, а страх, голод и жажда усиливали чувство неуверенности и животного страха». Только тогда курьер подпольного польского государства понял, что означали слова одного из его собеседников из Варшавского гетто об уничтожении всего еврейского народа.

Осенью 1942 г. началась миссия, которая вписала имя Карского в историю Второй мировой войны и историю Уничтожения. Его отчет – один из важнейших источников по истории оккупации Польши. В Англии и США Карский прежде всего рассказывал о терроре в Польше, предательском поведении советских партизан, организации движения сопротивления и ситуации в оккупированной Польше. И всегда, когда это было возможно, старался рассказать об уничтожении евреев на польских землях: сообщал о том, что видел собственными глазами в Варшавском гетто и Избице. Несмотря на то, что Карский был очевидцем Уничтожения, почти никто не хотел верить в то, что он видел и слышал. Но он не сдавался. И повторял слова, которые обещал передать представителям свободного мира. Он встречался с президентом Франклином Д. Рузвельтом и министром иностранных дел Великобритании Энтони Иденом. Кроме

того, он передал имевшиеся у него сведения лидерам американского еврейства, в частности раввину Стивену Вайсу и судье Феликсу Франкфуртеру. Но все было тщетно, – так сам Карский оценивал результаты своих дипломатических усилий в интересах еврейского народа. По его мнению, главная причина того, что общественность безжалостно бросила евреев на произвол судьбы и тем самым значительно облегчила нацистам осуществление их человекоубийственных замыслов, кроется отнюдь не в малой осведомленности. При всем недоверии, позволявшем закрывать глаза на «неудобные сведения», очень многие союзники вполне отдавали себе отчет в происходящем, но все же факты их не убеждали.

Однако природа недоверия, с которым сталкивался Карский, была разной. В частности, он вспоминает свою встречу с Феликсом Франкфуртером. Судья попросил рассказать, что происходит в Польше – и Карский стал подробно описывать виденное. Франкфуртер внимательно, не перебивая, дослушал до конца. В комнате воцарилось молчание. Первым его нарушил судья: «Знаете, господин Карский, такие люди как мы с вами, должны быть полностью откровенными друг с другом. Так вот, я не могу вам поверить». В свое оправдание Фракфуртер стал уверять, что он никоим образом не подозревает Карского во лжи. «Но я просто не могу этому поверить», – повторил он.

В сентябре 1943 г. Ян Карский был раскрыт. Немцы в одной из пропагандистских радиопередач объявили, что он большевистский агент, прислуживающий американским евреям. Он не мог вернуться в страну. В Англии Карский сначала работал на радиостанции «Восход». Вскоре было принято решение вновь отправить его в США, где он должен был написать, основанный на собственном опыте сценарий фильма о польском подпольном государстве. В течение нескольких месяцев появилось «Тайное государство» («Story of a Secret State»). Эта книга переиздавалась 17 раз на всех европейских языках.

После войны Ян Карский сначала жил в Нью-Йорке. В 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию и поступил в Отдел диплома-

тической службы. Позже на протяжении 40 лет, вплоть до пенсии, читал лекции о политике стран Центральной и Восточной Европы, вел занятия по теории коммунизма и основам марксизма-ленинизма. В 1982 г. Ян Карский посадил дерево на Аллее Праведников народов мира на территории Яд Вашем.

Профессор Ян Карский умер 13 июня 2000 г. в Вашингтоне, где и был похоронен. На его гробе, покрытом бело-красным флагом Польши и флагом США, была возложена желтая нашивка в виде звезды Давида из Варшавского гетто, привезенная Мареком Эдельманом – одним из предводителей восстания в Варшавском гетто.

«Чтобы развеять недоверие к Холокосту, пишут Д. Рот и М. Беренбаум, одних слов, может быть, и впрямь будет мало. Но без них, притом тщательно отобранных, недоверие, несомненно, восторжествует, чего человечество позволить себе не может». А мы в свою очередь должны с большим сожалением констатировать, что под напором лживой российской пропаганды мировая общественность не устояла, и о политической казни голодом украинского народа в СССР человечество почти не вспоминает. А ведь погибло более 8 миллионов украинцев от голода на местах и в ссылках в северных широтах от недоедания, тяжелого изнуряющего труда, холода и болезней.

Заключение: Нам представляется уместным закончить эту главу фрагментом из «Ночи» Эли Визеля, профессора гуманитарных наук Бостонского университета, бывшего узника Освенцима:

«В один из дней, возвращаясь с работы, мы увидели, что на лагерном плацу, словно черные вороны, маячат три виселицы. Последовала перекличка. Нас окружили эсэсовцы, пулеметы взяли плац на прицел, – словом, все, как обычно. Три жертвы в цепях, и один из них – тот самый маленький помощник, наш скорбный ангел. Казалось, эсэсовцы в тот день были озабочены и раздражены больше обычного. Повесить ребенка на глазах у тысячи свидетелей – нелегкое дело. Начальник лагеря зачитал приговор. Все смотрели на мальчишку. Мертвенно бледный, он был абсолютно

спокоен и только покусывал губы. На него падала тень от виселицы. На этот раз лагерный капо отказался от роли палача. Его заменили трое эсэсовцев.

Три жертвы одновременно встали на стулья. На три шеи одновременно накинули три петли.

«Да здравствует свобода!» – закричали взрослые. Мальчик молчал.

«Где же Бог? Где Он?» – спросил кто-то позади меня. По сигналу начальника выдернули три стула. Над лагерем повисла тишина. Где-то там, на горизонте садилось солнце.

«Шапки долой!» – хрипло закричал начальник. Мы плакали.

«Надеть шапки!» Началось шествие. Двое взрослых были уже мертвы. Их посиневшие, раздувшиеся языки вывалились наружу. Только третья веревка дергалась: ребенок оказался слишком легким, он еще жил. Более получаса он болтался между жизнью и смертью; в долгой агонии он умирал у нас на глазах. А нас заставили смотреть ему в лицо. Когда я проходил мимо, он был еще жив – язык не посинел, глаза не померкли.

Я расслышал, как позади меня тот же человек спросил: «Ну, а где теперь Бог?» И тут же голос внутри меня ему ответил: «Где Бог? Вот Он, на той виселице». Суп в тот вечер отдавал мертвечиной…».

Слов нет, Эли Визель талантливый писатель. Он начал писать после десяти лет добровольного молчания. О своих десяти годах безмолвия сам Визель говорил так: «Я чувствовал, что понадобится десять лет, чтобы собрать воедино слова и отпечатавшееся в них молчание». Уникальность «Ночи», за которую он получи Нобелевскую премию, состоит в том, что эта книга знакомит читателя с непосредственным переживанием автора, угодившего юношей в кромешную тьму Холокоста.

СОДЕРЖАНИЕ

Судьба польских евреев 3
Żyd или еврей? 3
Гетто 10
Колония 13
Нерешенные вопросы 15
Эмиграция 16
Опасный сосед 17
IV раздел Польши 18
Польские евреи на территориях, присоединенных к СССР 19
1941 год 20
Юденраты 21
Некоторые различия 22
Варшавское гетто 24
Дополнение: истоки антисемитизма 27
Пакт Молотова-Риббентропа и Холокост еврейского народа 35
Преступный сговор коммунистов с фашистами 39
Разгром Красной армии 46
Окончательное решение еврейского вопроса 48
Причины Холокоста 55
Замалчивание Холокоста в СССР 57
Эпилог 59
Холокост. Политические и философско-богословские сентенции 60

Научно-популярное издание

Данилов Иван Петрович

СУДЬБА ПОЛЬСКИХ ЕВРЕЕВ

Подписано в печать 12.01.2021. Формат 60 х 84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,00. Уч. изд. л. 3,41.
Тираж 50 экз.